

КСЕНИЯ КОМАЛ

ДОМ
НА ГЛУХОЙ
ОКРАИНЕ

ЕГО СЧИТАЛИ УБИЙЦЕЙ.
ЕЕ НАЗВАЛИ ТАК ПО НАСЛЕДСТВУ.

18+

Эго убийцы. Триллер-откровение

Ксения Комал

Дом на глухой окраине

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Комал К.

Дом на глухой окраине / К. Комал — «Эксмо», 2023 — (Эго убийцы. Триллер-откровение)

ISBN 978-5-04-197541-8

Никогда не поднимайте трубку в заброшенном доме. Звонок из прошлого может сделать вас виновником чужой трагедии... Бывают ли «маньяки по наследству»? История о гибельной тайне, которая много лет хранится в подвале старого дома. Чтобы раскрыть ее, героине придется заново пережить кошмар давней трагедии... Вика приезжает из столицы в город своего детства, чтобы продать оставшийся после смерти деда старый дом. Соседи не рады ее визиту. Уже много лет они уверены, что дед Вики – похититель и убийца троих мальчиков. Хотя никаких доказательств тому нет... Вика торопится закончить дела и поскорее уехать из недоброго места. Однако обстоятельства будто нарочно не отпускают девушку: внезапно пропадает семилетний сын соседки. Поиски не дают результатов. И снова, как и много лет назад, все считают, что в происшествии замешан кто-то из обитателей нехорошего дома... Неужели и правда – родовое проклятье? Вика и сама уже начинает верить в это. Особенно после того, как слышит мольбы о помощи давно пропавших детей в трубке... отключенного телефона...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197541-8

© Комал К., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

44

Ксения Комал

Дом на глухой окраине

© Комал К., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

КСЕНИЯ КОМАЛ

**ДОМ
НА ГЛУХОЙ
ОКРАИНЕ**

Москва

2024

Вика стояла и смотрела на запертую дверь подвала. Что там, за нею, она не знала, но отчаянно трусилась и одновременно испытывала безотчетное детское любопытство, узнать, что же там, в подвале.

Осиротевшую Вику воспитывал дед, который был занят какими-то странными делами и особого рвения по части воспитания девочки не проявлял. Что это за дела, оставалось только догадываться, но Вика знала, что они как-то связаны с подвалом, куда ей с некоторых пор запретили ходить.

Разумеется, запрет привел к противоположному эффекту, и теперь Вика отчаянно прислушивалась к тому, что происходило в подвале, однако ничего, кроме звенящей тишины, уловить не могла. Она с сожалением вздохнула и уже собиралась уйти, но зачем-то остановилась и напоследок осторожно погладила теплую шершавую поверхность двери. В следующее мгновение Вика вздрогнула от резкого, дребезжащего телефонного звонка.

Он доносился из подвала и навевал тоску – настолько сильную, что от нее заныли зубы. Вика поморщилась и отступила на шаг. В этот момент сверху послышались звуки ударов во входную дверь и требовательный мужской голос:

– Откройте! Милиция! Немедленно откройте!

Вика растерянно застыла на месте, не зная, что ей делать, и только тогда почувствовала на своем лице чужую, пахнущую кровью руку.

* * *

– Шикарные места, – восторгался Лев, беззаботно поворачивая руль своего внедорожника. В узкий поворот машина вписалась, но у Вики все равно перехватило дыхание, когда за окном промелькнул живописный обрыв. – Так, значит, ты здесь росла?

– До десяти лет, – неохотно ответила Вика.

– Наверняка у тебя потрясные воспоминания?

– Нет. – Она еще больше помрачнела. – Почти ничего не помню. Только – как дед спивался.

– Ну, жизнь он прожил долгую, выходит, не так уж и бухал. Сколько ему было бы?

– Восемьдесят семь через несколько дней. Совсем немного недотянул. – Вика отвернулась к окну, и только тогда Лев спохватился:

– Прости, я как-то не думал, что для тебя это удар. Вы же давно не общались...

Вика безразлично дернула плечом, давая понять, что эта тема ей неинтересна.

– Давай не будем торопиться с выводами, посмотрим, в каком состоянии дом, может, свадьбу в нем сыграем. Ты говорила, он огромный... Дед там, конечно, умер, но мы же не навсегда, просто надо куда-то впихнуть гостей...

– Ты бы ему понравился, – невесело усмехнулась Вика. – Сейчас вон туда, через поле.

Дорога запетляла среди зеленых ростков кукурузы, по сырой, разъезжающейся под колесами земле, по заметным ухабам. В начале лета природа сияла новенькими, свежими листьями, чистым небом, темными елями, возвышавшимися у горизонта... Вика соврала: свое детство в этих местах она прекрасно помнила, но потратила целых двадцать лет, чтобы его забыть. Необходимость вернуться сюда сейчас, когда ее жизнь наконец-то наладилась, казалась настоящей насмешкой судьбы, и от сияющей, ликующей природы хотелось спрятаться куда-нибудь подальше. В темный подвал, например.

Вика вздрогнула, встряхнула головой и поправила темно-русые волосы, которые почти всегда находились в чудовищном беспорядке. Надо держать себя в руках, Лев не должен ничего заподозрить. Для него это – всего лишь небольшая поездка на выходные, помощь будущей жене в ее семейных делах. Если их вообще можно назвать семьей.

– Что за горестные вздохи? – чуть наигранно удивился Лев. – Никак ностальгия нахлынула? Признавайся: ты оставила здесь свою первую любовь?

– Мне было десять, – вяло напомнила Вика, изумившись его пронизательности. – Лучше объедем город справа и припаркуемся у нас на заднем дворе, на окраине.

– Хочешь устроить соседям сюрприз? – подмигнул Лев.

– Не то слово.

Вика прикрыла глаза, сделав вид, что ей мешает палящее солнце, и попыталась сосредоточиться. Значит, так. В идеале нужно уехать отсюда прямо сегодня, но можно не успеть: наверняка у деда было полно документов, которые надо разобрать, еще на кладбище зайти... Вряд ли в доме осталось что-то ценное, но все равно придется там осмотреться, прикинуть стоимость ремонта. Риелтор сказал, что продать получится, однако он не видел дом изнутри. Возможно, никто, кроме деда, не видел дом изнутри уже много лет. Ну, то есть за исключением тех, кто обнаружил его тело. Странно, что его вообще нашли, дед был не из общительных и компанейских людей. Ладно, надо сконцентрироваться... Максимум одна ночь, только одна. Завтра утром они уедут и больше никогда сюда не вернуться. И Лев ни о чем не узнает.

Вика приоткрыла глаза и покосилась на жениха. Высокий лоб, длинные ресницы, голубые глаза... Никто не понимал, как ей, вечно кутающейся в толстовки и безразмерные футболки, удалось заполучить такого красавца. Она и сама не понимала. И долго не могла поверить в свое везение. Однако он по-прежнему рядом, планирует свадьбу, заботится о ней, оберегает... Врать ему было плохой идеей, очень плохой. Но не могла же она сказать...

– Это он?

Вика не заметила, как картинка за окном изменилась. Обшарпанная улица с ветхими одноэтажными домами и собачьими будками у каждого забора осталась позади; внедорожник не очень уверенно парковался возле огромного мрачного строения, темные окна которого выходили на заросшую бурьяном полянку и лес, начинавшийся чуть дальше.

С этой стороны дом почти не запомнился, Вика чаще видела его фасад, который смотрелся повеселее и возвышался посреди людной улицы, словно забирая у той немного легкости и суеты.

– А неплохо твой дед устроился, – оценил Лев дом и вышел из внедорожника. Он обошел машину, открыл пассажирскую дверь и протянул Вике руку. Ей ничего не оставалось, кроме как покинуть уютный безопасный салон, хотя она с радостью посидела бы в нем еще. – Тут есть сад?.. Участок большой?.. А удобства?..

– Пара теплиц с той стороны, – сказала Вика и зябко поежилась. – Удобства были, но не факт, что они в нормальном состоянии. На чердак лучше не залезай, там еще тогда, когда я была маленькой, пол трещал. Посмотрим, что можно сделать с гостиной и парой спален, остальное...

Вика достала из сумки ключи и тут же уронила их в траву. Лев быстро нагнулся, поднял ключи и с шутовским поклоном сообщил:

– Всегда к вашим услугам. Вика... – Он посерьезнел. – Может, с кладбища надо было начать?

– Успею. – Она дошла до крыльца, провела рукой по перилам и отпрянула. – Слушай, ты тут все открой, проветри, а я и правда на кладбище схожу.

– Компания не нужна? – Лев аккуратно притянул ее к себе и поцеловал в макушку.

– Нет, лучше я одна.

Вика неловко освободилась из его объятий и торопливо направилась в сторону леса – стараясь двигаться так, чтобы с улицы ее не было видно.

* * *

На самом деле желанием посетить кладбище Вика вовсе не горела, но находиться в доме деда просто не могла. Крупная дрожь пронзала все тело, голос стал хриплым, глаза наполнились слезами, хотя она не понимала почему. Стараясь выровнять дыхание, Вика продвигалась по узким дорожкам кладбища; иногда она теряла равновесие и хваталась за оградки, иногда – останавливалась, чтобы насладиться тишиной и отсутствием поблизости людей. Уже можно было повернуть назад, посчитав свой родственный долг исполненным, но ей отчего-то хотелось взглянуть на могилу, будто холмик земли доказывал, что все это происходит с ней в реальности.

Нужное место Вика нашла не сразу и слишком поздно сообразила, что не купила цветы.

– Достойный потомок, – буркнула она себе под нос и, недолго думая, взяла пару пластмасовых ромашек с соседней могилы. Поступок не самый благородный, но возвращаться к входу, у которого находились ларек и прилавки с цветами, не было никаких сил. На похороны она опоздала всего на сутки и сейчас этому радовалась: по крайней мере, не пришлось фальшиво улыбаться соседям и толкать занудные речи по поводу кончины родственника.

Дед смотрел на нее с фотографии строгим, почти неприязненным взглядом, седая борода топорщилась в разные стороны, лоб пересекают глубокие четкие линии морщин, густые брови сведены. Именно таким она его и запомнила, лучшего снимка просто не найти.

Вика судорожно вздохнула, открыла рот, чтобы что-то сказать, но не смогла подобрать слов. Она быстро положила на сырую глину украденные ромашки, резко развернулась и вскрикнула от неожиданности.

– Привет, – странным тоном сказал Илья, в которого Вика едва не врезалась. То, что это он, она поняла лишь по глазам, которые совсем не изменились: все такие же зеленые и слегка раскосые, как в детстве.

– Привет, – ответила Вика, оправившись от замешательства. О чем еще можно поговорить, она не знала, поэтому молчала и с глупым видом таращилась на его узкую бородку, которая никак не вязалась с образом того веселого лопоухого мальчишки с вечно разбитыми коленками, которого она знала в детстве.

– Это тебе. – Илья протянул ей букет алых искусственных цветов, и Вика испуганно отшатнулась. – То есть не тебе, а... – Он смутился и кивком указал на могилу. – Увидел, что ты идешь без цветов, решил подарить. За счет заведения.

– Какого? – бестолково уточнила Вика, хотя ей было не особенно интересно.

– Ларек у входа мой. Я теперь крутой бизнесмен. – Илья несмело улыбнулся, внимательно ее разглядывая. – Ты вообще не изменилась. Совсем. Только этот шрам под ухом...

Вика встряхнула волосами, закрывая то место, куда он смотрел.

– Спасибо за цветы.

Она взяла букет и неловко пристроила его на могилу деда, про себя отметив, что красивее не стало.

– Ты надолго?

– Сегодня уеду.

– Значит, попрощаться?.. Навсегда?

– Да.

Разговор казался дурацким, Вике хотелось поскорее его закончить, и она зашагала к выходу с кладбища. Илья молча шел за ней, видимо подбирая тему для беседы.

– Дом продаешь?

– Хочешь купить?

– Не боишься, что купят их родители?

Вика резко замедлила движение и мрачно взглянула на Илью.

– С чего мне этого бояться? Купят – и ладно.

– Да так, ни с чего. Но на твоём месте я бы...

– ...никогда не оказался. Так что оставь свои советы при себе!

Она ускорила шаг, давая понять, что разговор окончен, и в этот раз Илья не стал её догонять.

Немного послушавшись по лесу, Вика вышла к родному дому, постояла пару минут, собираясь с силами, и все же переступила его порог. Прихожая выглядела так же, как и двадцать лет назад: тусклое зеркало с трещиной, деревянная вешалка, выцветшие обои в мелкий цветочек... Даже половик был тот же, будто все это время здесь никто не жил.

Вика плотнее натянула рукава толстовки на холодные пальцы и прошла дальше, в гостиную. Лев сидел на диване, к ней спиной, перед ним на столике стояли две белые чашки и старенький чайник, а напротив него маячила гостья, показавшаяся смутно знакомой.

– А вот и Вика! – Лев повернул голову на звук ее шагов. – К тебе тут подруга детства пришла. Думала, мы – новые жильцы.

Вика едва не развернулась, собираясь сбежать, но вовремя поняла, что деваться некуда. Она приблизилась к дивану, встала позади Льва, чтобы чувствовать себя защищенной, и окинула хорошенькую блондинку лет тридцати непонимающим взглядом.

– Женя, – представилась блондинка. – Помнишь? Дочка тети Нади.

– Помню, – сказала Вика, тщетно пытаясь разглядеть в ней хоть что-то от плаксивой, постоянно ноющей девчонки, какой она была в детстве. – Но не узнаю.

– Я бы тебя тоже не узнала. Решила, что новые люди захали, пришла их предупредить... – Конец фразы Женя произнесла с едва заметным нажимом, и Вика болезненно поморщилась.

– О том, что дом разваливается? – не понял Лев. – Он еще очень даже ничего, легкий косметический ремонт, и...

– О том, что он стоит на кладбище.

– Правда? – изумился Лев. – Кто же деду разрешение выдал?

– Он сам себе все разрешал, – по слогам произнесла Вика, в упор глядя на Женю. – И никакого кладбища здесь нет.

Наконец почувствовав напряжение, воцарившееся в комнате, Лев поднялся с дивана и вопросительно посмотрел на Вику. Она стояла неподвижно, скрестив на груди руки и прожигая гостью неприязненным взглядом. Женя криво усмехнулась и направилась к выходу.

– Мама, ну ты скоро? – В помещение вбежал белобрысый мальчик лет семи.

Вика вздрогнула, на мгновение ее глаза округлились от страха, но она тут же сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Идем, Вася. Я им сказала, что хотела. – Женя ласково потрепала ребенка по голове и, слегка подталкивая его вперед, вышла за дверь. В проеме на пару секунд мелькнул баскетбольный мяч, который Вася подхватил с пола и бережно прижал к себе, прежде чем исчезнуть из поля зрения. Вика изо всех сил стиснула челюсти, но ко Льву повернулась уже со спокойным выражением лица.

– Что ты будешь на обед?

– Какой обед, Вика? Что это сейчас было?

– Мелкая поганка из прошлого. Забей.

– Уверена?

– Однажды ей прилетит за все хорошее, а пока... – Вика натянуто улыбнулась, – предлагаю осмотреть спальню.

Лев с готовностью двинулся за ней.

* * *

Темнота опустилась внезапно – Вика уже и забыла эту особенность городка. День здесь нередко заканчивался резко, словно кто-то невидимый щелкал выключателем, погружая улицы во мрак и заставляя припозднившихся прохожих торопиться домой.

Вика сидела у окна, разбирая документы деда, Лев дремал в кресле на другом конце комнаты. Сейчас она была рада, что с ним не нужно ни о чем разговаривать, выдавливая из себя эмоции и реакции нормального человека. К концу дня Вика вымоталась настолько, что продолжать притворяться была просто не в состоянии. Все, о чем она мечтала, – поскорее вернуться в привычную жизнь и забыть эту поездку раз и навсегда. Но дом не отпускал.

Вика слышала его шорохи, видела сумрачные тени в нем, вдыхала запахи старого дерева и затхлости, в ее памяти проносились призрачные обрывки пережитого, и от этого хотелось тоскливо выть. Тяжело вздохнув, она перевернула очередной листок с неразборчивыми надписями и синими печатями, и в этот момент тишину улицы вдруг прорезал женский крик. Был он до того отчаянным, что Вика даже не сразу сообразила, что кричит Женя, окончательно все испоганившая своим визитом. Но сейчас подруга детства была далека от колких замечаний и прозрачных намеков – она в ужасе выкрикивала имя сына.

– Что? – Лев не сразу проснулся. – Что такое?

– Без понятия, – равнодушно пожала плечами Вика. – Наверное, семейная ссора.

Лев поднялся, чуть пошатываясь и зевая, подошел к Вике и с некоторым трудом открыл старое, дребезжащее окно. Слышимость стала лучше, но ясности не прибавилось. Женя все продолжала надрываться, однако теперь к ее голосу прибавились другие голоса, и было понятно, что сна лишилась половина улицы.

– Истеричка...

– Да ладно тебе, вроде случилось что-то.

– Ты не знаешь, как она в детстве вопила. Чуть что не так, сразу вой на всю округу.

– Вася – это же сын ее? Может, с ребенком что?

– С ребенком случилось только одно – ему не повезло родиться в шизанутой семейке...

Лучше скажи мне: вот эта бумажка может еще понадобится или ее выбросить?

Лев рассеянно взглянул на документ, который Вика ему протянула, пробежал его глазами и снова посмотрел в сторону улицы.

– Я все-таки схожу узнаю, что там такое. Вдруг помощь нужна...

– Даже не сомневаюсь, ей всегда нужна помощь, – покачала головой Вика, но отговаривать его не стала.

Пока Лев натягивал обувь, она чересчур внимательно вчитывалась в документ, а когда он скрылся за дверью, встала и по пояс высунулась из окна, как делала в детстве.

Старенькая яблоня царапала ветвями подоконник, от сырого воздуха неприятно слезились глаза, темное беззвездное небо нависало, казалось, над самым домом. Крики Жени перешли в судорожные рыдания, испуганные восклицания других соседей множилось с каждой минутой, где-то вдалеке уже виднелись красно-синие отсветы – очевидно, пожаловали экстренные службы. Сомнений быть не могло: на этой чертовой улице что-то стряслось. Снова. Как в самых страшных ее кошмарах. И как много лет назад.

Вика отошла от окна; подумав, крепко его закрыла и зажала уши руками. Стало тихо, лишь ее собственный пульс отдавался ритмичными ударами где-то в шее. Вика сделала несколько медленных, глубоких вдохов, закрыла глаза и содрогнулась от пронзительного звука. Звон пробирал до костей, казалось, проходил по венам, мурашками бежал по всему телу.

Она открыла глаза, убрала от головы ладони и лихорадочно огляделась. Источника звука поблизости не было, теперь казалось очевидным, что он находится гораздо ниже, а значит,

Вика вообще не должна была его услышать. Но этот дом никогда не следовал каким-либо правилам.

Будто под гипнозом, она вышла из комнаты, проследовала по коридору, спустилась по лестнице и оказалась перед дверью подвала. В прошлый раз, двадцать лет назад, Вика так и не смогла туда войти и не очень хорошо помнила, что было дальше. Теперь она была этому рада: есть вещи, которые лучше не вспоминать.

Дверь почти не изменилась, только новенькая металлическая ручка указывала на то, что прошло какое-то время. Вика несмело провела по ней пальцами и несильно нажала. Дверь ответила тихим щелчком.

* * *

На столе стоял телефон. Обычный стационарный аппарат, какими повсеместно пользовались с полвека назад. Именно этот черный телефон с круглым желтоватым диском и потрескавшимся проводом Вика навсегда запомнила из-за трагедии, сломавшей жизнь всей ее семьи. Ей казалось, что дед давно его выбросил, однако старик отличался своеобразным отношением к жизни и, видимо, сроднился с проклятым аппаратом.

Еще в детстве Вика подозревала, что телефон явился из преисподней, а уж сейчас, глядя на трезвонящую штукуну, которая не была ни к чему подключена, и вовсе не сомневалась в правдивости своей теории.

Тем не менее аппарат продолжал звонить, и надо было что-то с этим делать. Вика повертела в руках свисающий со стола провод, еще раз убедилась в отсутствии батареек и прочих нововведений и все-таки сняла трубку.

– Алло? – Она старалась, чтобы голос не дрожал, но получилось так себе.

– Помогите!

– Что? Алло?

– Выпустите! Выпустите нас!!!

Вика убрала трубку от уха, в страхе на нее покосилась и с усилием напонила себе, что является взрослым здравомыслящим человеком, которого не напугать каким-то розыгрышем.

– Слушайте вы, у меня определитель стоит! Я найду ваших родителей, и они...

– Помогите!!! – отчаяние в голосе звонившего ребенка было настолько сильным, что Вика всерьез испугалась, только теперь уже не чертова телефона.

– Вася? – наугад спросила она, однако мальчик, казалось, не услышал.

– Вася, ты можешь сказать, где ты?

– Выпустите, выпустите нас!!!

– Ты что, там не один? – У Вики перехватило дыхание. Она до боли стиснула трубку и придвинула телефон ближе, как будто от этого что-то зависело. – Ты с кем?

– Помоги...

Связь оборвалась, из трубки раздавались гудки. С минуту Вика стояла, не меняя позы, затем начала трясти телефон, вертеть диск и даже сунула провод в розетку, но эти действия ничего не дали. Хуже всего было то, что просивший о помощи ребенок умудрился позвонить именно ей, а это было практически невозможно: Вика и сама не помнила номер домашнего телефона. Бедный мальчишка; более бездарное использование шанса на спасение сложно представить. Провал по всем фронтам, даже полиция вряд ли сможет что-то отследить, ведь телефон полностью отключен, провод просто болтается в воздухе...

Вика потрясла головой и протерла лицо руками. Нет, такого не бывает, должно быть рациональное объяснение происходящему. Вот сейчас вернется Лев, скажет, что с Васей все в порядке, найдет какую-нибудь антенну, передающую странные звонки...

Она изо всех сил старалась себя успокоить, но в глубине души уже понимала, что надеяться не на что. Зыбкое чувство нереальности происходящего, едва не убившее ее в детстве возле этого самого телефона, уверенно пробиравшись в голову, не оставляя ни малейшей веры в лучшее. Теперь вера у нее была только одна – в кошмарный телефон, который не может существовать в нормальном мире. Но существует в этом доме, в этом подвале, в ее голове, в конце концов... Почему дед не выбросил его за столько лет? Почему она не чувствует настоящего сильного изумления? Почему ребенок (или сколько их там?) позвонил именно ей и именно тогда, когда ее угораздило вернуться в дом?

– Вика, я дома!

Она пулей вылетела из подвала, захлопнула за собой дверь, прислонилась к ней спиной и попыталась отдышаться. В голове роились обрывки тревожных мыслей, сердце гулко стучало, конечности стали ледяными.

– Вика, ты здесь? – Лев остановился и окинул ее удивленным взглядом. – Ты чего?

– Шум какой-то послышался, – хрипло пробормотала она. – Мыши, наверное.

– Испугалась? – Он улыбнулся и привычным движением прижал ее к себе. – Я спасу тебя от любой мыши и даже от таракана.

Вика благодарно ткнулась носом ему в грудь и стала дышать ровнее. Объятия Льва успокаивали, тепло его рук медленно, но уверенно растекалось по ее телу, внезапно навалилась тяжелая сонливость, и бороться с ней не хотелось.

– Так что там случилось? – через силу пробормотала Вика, на самом деле не желая слышать ответ.

– Васек твоей знакомой где-то загулял. Она в панике, но это же пацан – найдется.

– Не все пацаны находятся, – глухо буркнула Вика и почувствовала ледяную дрожь.

– Ты не представляешь, сколько раз меня вот так искали. – Лев с улыбкой зевнул. – Давай-ка на боковую, завтра ехать рано.

* * *

Ни рано, ни поздно они не уехали. Если ночью еще казалось, что Васю потянуло на приключения, то теперь случившаяся беда не вызывала сомнений. В городе организовали масштабные поиски, пригласили волонтеров, привезли солдат из ближайшей части, но это ничего не дало. Хуже всего было то, что обстоятельства и время исчезновения ребенка выяснить не удалось: после того как Женя уложила сына, прошло два часа, прежде чем она снова заглянула в его – уже опустевшую – комнату. В доме находилась еще бабушка Васи – милейшая тетя Надя, когда-то наводившая на Вику дикий ужас своими придирками, – она утверждала, что внук никак не мог пройти мимо нее незамеченным, а значит, его похитили через окно. Очевидно, полиция склонялась к тому же выводу, потому что местный участковый Алексей Сычев обнаружился как раз возле того окна.

– Здравствуйте, – неуверенно сказала Вика, внимательно к нему приглядываясь. За двадцать лет Сычев заметно постарел и поседел, но по-прежнему носил гусарские усы, делавшие его похожим на персонажа исторического романа. Сейчас ему было в районе сорока пяти, однако уже появившаяся сутулость и тусклые, уставшие глаза выдавали в нем человека хорошо пожилого и многое повидавшего.

– Ну привет. – Он обернулся не сразу, хотя явно понял, с кем говорит. – Давно не виделись, Победа.

Дурацкое прозвище прицепилось к ней еще в детском саду, когда маленькая Вика не давала мальчишкам шансов ни в одном спортивном соревновании. Имя тоже говорило само за себя, и придумывать было особо нечего. Но сейчас казалось очень странным, что еще кто-то называет ее так, причем из уст участкового прозвище звучало вполне органично.

– Как вы тут поживаете? – Она не знала, с чего начать, и, пытаясь скрыть неловкость, прошла перед окном, делая вид, что с интересом рассматривает дом Жени.

– Без вас – отлично, – не стал лукавить Сычев, и Вика только вздохнула. – Но ты же не за этим?

– Не, не за этим... Дядя Ле... Алексей... эм...

– Просто Алексей, не так уж я и стар.

– В общем, вчера был звонок... Необычный. Там ребенок на помощь звал. И вроде был не один.

– Ребенок? – Сычев нахмурился и заметно подобрался. – Вася?

– Не знаю, было плохо слышно.

– Что он сказал?

– Просил, чтобы их выпустили. Связь оборвалась, ничего полезного я не узнала.

Участковый задумчиво побарабанил пальцами по подоконнику, почесал усы и с прищуром посмотрел на Вику.

– Если бы Вася мог позвонить, разве он позвонил бы тебе?

– Нет.

– А больше у нас дети не пропадали. Ну, то есть в последнее время. – Сычев добавил в голос многозначительности, и Вика предпочла отвернуться, притворившись, что разглядывает облака. – Мы, конечно, проверим, но это ничего не даст. За сигнал тебе, Победа, спасибо, только тут дело совсем другое...

– В смысле? – удивилась Вика и снова посмотрела на участкового. – Как это другое? Есть исчезнувший пацан, есть звонок от исчезнувшего пацана – может, и не того самого, но...

– Глянь сюда. – Сычев указал на примятую траву у дома и кивнул в сторону ближайшего кустарника. – Мальчишка сам убежал, чужих следов не видно. Всякое бывает, но... Не тот случай. Семь лет парню, пошел исследовать мир, где-то заблудился, может, упал, поранился...

Вика опустила на корточки и принялась рассматривать землю. Ничего особенно интересного там не нашлось; узкая полоска примятой травы действительно тянулась до самых кустов, вокруг было натоптано – явно полицейскими, – а фантик от конфеты, обнаруженный возле фундамента, вряд ли мог считаться весомой уликой. Взрослый человек оставил бы более широкую тропинку; скорее всего, до полицейских здесь действительно ходил только Вася.

– А дальше? За кустами?

– Асфальт, – припечатал Сычев. – Собаки вели метров сто, потом потеряли след. Но там рядом хлев, за ним ручей, стало быть – ничего удивительного.

– Удивительно – зачем Васе вообще понадобилось сбегать? Он же и так должен знать окрестности, любопытство тут не катит. То есть была серьезная причина.

– У тебя в его возрасте было много причин? – вздохнул участковый. – А ты, кстати, дом-то продаешь? Смотри, я б покупателей подогнал.

Вика наконец поднялась с корточек и уставилась на него во все глаза.

– Вы?! Вы...

– Ну я, а что? Все подозрения с твоего деда давно сняты, я не думаю, что у вас там мумии по чуланам. Забылось, и слава богу. А дом-то хорош, что ему простаивать...

Вика едва не бросилась участковому на шею, но вовремя подавила порыв и только сказала с искренней благодарностью:

– Не ожидала от вас. Правда не ожидала.

– Да брось, где наша не пропадала. Ты ж, Победа, все-таки своя, местная, мы за тебя...

– Чтоб ты сдохла!!! – Женя буквально выпрыгнула из окна на стоявшую перед ним Вику.

В последнюю секунду Сычев успел оттолкнуть свою собеседницу, так что основной удар пришелся на него самого, однако мать пропавшего Васи это не смутило, и уже через мгновение она вцепилась в волосы любимой подружки детства.

Вика взвыла, попыталась освободиться, но Женя явно вознамерилась за что-то отыгаться на ней – возможно, за то, что недосмотрела за собственным сыном.

– Ты!!! Это все ты!

– Евгения, успокойтесь, пожалуйста...

– Где он?! Где мой Вася?!

– Откуда я знаю? – простонала Вика, чувствуя, как волосы на макушке начинают трещать. – Наверное, ушел искать нормальную семью.

– Ах ты!!! – Женя сорвалась на визг, но в этот момент участковому удалось ее скрутить, а Вика наконец ощутила свободу.

– Девушки, уймись.

– Я-то тут при чем?

– Ты при чем?! Ты?! Ты и твой дед...

Сычев отвесил Жене легкий воспитательный подзатыльник, и она моментально успокоилась, хотя вряд ли заметила сам факт рукоприкладства. В отличие от Вики, которая порядком удивилась, но высказываться на тему полицейского произвола не стала.

– Арестуй ее! – почти нормальным голосом потребовала подруга детства. – И допроси.

– За что?

– Сам знаешь.

Сычев тяжело вздохнул, отпустил Женю, которая почему-то перестала брыкаться, и устало обратился к Вике:

– Победа, ты знаешь, где Вася?

– Нет.

– Врет она, – почти равнодушно сказала Женя. – Дед врал, и она врет. А ты, полиция, все знаешь и...

– Я знаю, что у Вики есть алиби, – неожиданно помог участковый. – Правда же?

– Я была со своим женихом, – послушно подтвердила она, умолчав о том, что Лев спокойно спал, а вовсе не сторожил будущую жену. – И вообще, мы сегодня уезжаем. Задержались немного, чтобы с поисками помочь. Не благодари.

– Благо... Бла... – Женя снова начала краснеть, но, видимо, истерика уже закончилась. Она отвернулась и отошла на несколько шагов, давая себе время перевести дыхание. Только сейчас Вика заметила, что Женя здорово изменилась всего за один день: о былой уверенности, даже наглости, сейчас ничто не напоминало. Мать пропавшего Васи была кое-как одета, выглядела ниже ростом и в целом походила на пациентку психиатрической больницы.

– Ладно, я пойду, – сказала Вика Сычеву, стараясь отогнать от себя неприятные ассоциации. – Вы заходите насчет телефона, мы здесь пробудем еще пару часов.

– Я так понимаю, заявление о нападении не пишем? – негромко уточнил он, но было заметно, что Женя услышала.

Вика только махнула рукой и вскоре брела по узкой извилистой дорожке, ведущей к реке. Сейчас Васю искали уже в противоположной стороне, поэтому вокруг было безлюдно, тихо и очень красиво. В детстве она обожала это место и часто приходила погулять, отбившись от шумной компании сверстников, среди которых была и Женя. Разве представляли они тогда, что их жизни настолько изменятся, что еще одна трагедия коснется их обеих?

Вика ущипнула себя за руку и сердито сказала вслух:

– Меня это не касается. Я больше не здесь.

Порыв ветра тут же взъерошил ее волосы, словно давая понять, что она ошибается, и Вика, оступившись, подвернула ногу, едва не упала, но смогла удержать равновесие. Лодыжка хоть и несильно, но болела, а ковылять дальше по выбоинам и камням не было никакого смысла. Оглядевшись, Вика заметила у реки симпатичную березовую рощу и решила, что может немного отдохнуть.

Роща была занята.

– Привет, – сказал Илья, убирая удочку в сторону. – Какими судьбами?

Он сидел на старом поваленном бревне, рядом стояло синее пластиковое ведро – видимо, для улова, – неподалеку лежал на земле новенький блестящий велосипед.

– Шла куда глаза глядят, – почти не соврала Вика. – Почему ты не ищешь сына Женьки?

– У меня выходной, – сообщил Илья, будто это все объясняло. – Присоединишься?

Она окинула взглядом рыболовные снасти, хмыкнула и покачала головой. Нога уже почти не болела, можно было просто уйти, но отчего-то хотелось задержаться. Вика подошла к воде, опустилась на колени и провела ладонью по прохладной темной глади.

– Рыбу распугаешь, – упрекнул Илья.

– Я борюсь за каждую жизнь.

– Ты ведь понимаешь, что из твоих уст это звучит издевательски? – Он подошел к ней и сел рядом. – Видел вчера твоего парня, вроде ничего, одобряю.

– Жениха. И твое благословение нам, разумеется, очень важно.

– Ты до сих пор не спросила.

– О чем?

– Женат ли я.

– Безумно интересно. – Вика язвила, но вдруг поняла, что и правда хочет знать. – Вряд ли ты смог кого-то найти, раз работаешь на кладбище, а по выходным торчишь здесь один.

– В смысле – у меня небогатый выбор? – развеселился Илья. – Ты почему еще не уехала?

– Собираюсь.

– Смотри, протормозишь, как в прошлый раз.

– Да иди ты, – беззлобно буркнула Вика и тоже села на землю. – Помнишь, мы тут купались...

– Еще тарзанка висела, а вон там, – он указал, где именно висела тарзанка, – был шалаш, всякие чипсы туда таскали.

– Сейчас у детей другие развлечения?

– Да не сказал бы. Но здесь место холодное, они купаются дальше по течению.

– Куда им до нас. – Вика стянула кроссовки и зашла по колено в воду. Мокрые джинсы неприятно липли к ногам, холод моментально растекаясь по всему телу, босые ступни ощущали скользкое, илистое дно. Она улыбнулась неизвестно чему и с вызовом посмотрела на Илью. Тот не заставил себя ждать и, повторив ее маневр, оказался рядом.

– Все, конец рыбалке.

– Зато открыт купальный сезон! – Вика шутливо толкнула его в бок, а Илья не удержался на ногах и с воплем рухнул в темную воду, подняв в воздух уйму брызг.

Стало ясно, что пора спасаться бегством, но вместо этого она, смеясь, принялась от него отбиваться. Вскоре сражение было бесславно проиграно: Вика полностью ушла в почти ледяную воду, а когда вынырнула, легла на спину, подставив кожу солнечным лучам.

Высоко в небе покачивались легкие облачка, где-то за головой шумели листья молодых берез, отяжелевшая толстовка немного тянула вниз, но счастливая улыбка не сходила с лица. Краем глаза Вика видела, что Илья откровенно ею любит, однако сейчас это не вызвало никаких эмоций, было приятно ни о чем не думать и ничего не чувствовать.

– Замерзла? – спросил он, когда она приняла вертикальное положение. – У тебя губы синие.

– Как будто у тебя нет, – безрадостно сказала Вика, в самом деле к нему приглядевшись. Выходить из воды совершенно не хотелось, но пальцы уже начинало сводить от холода. – Мне даже переодеться не во что, я с собой ничего не брала.

– Воспользуйся шмотками деда, – подмигнул Илья. – Тебе пойдут его треники.

– Дурак.

Вика вдруг поняла, что угроза в виде растянутых заштопанных треников выглядит вполне реальной. Задерживаться в городе она не планировала, а нырять в холодную воду – тем более, так что с одеждой дело было плохо. У Льва вроде лежал запасной свитер в багажнике, но этого мало, и на улице еще не настолько тепло, чтобы быстро высохнуть.

– Идем, – вздохнул Илья. – Хоть посмотришь, как я живу.

* * *

Жил Илья в своем старом доме, на прежний облик которого сейчас ничто не указывало. Вика смутно помнила, как заливали фундамент его дома и как красили балкон, однако теперь даже не сообразила бы, где тот балкон находился. Отделанный темным кирпичом фасад удачно сочетался с коричневой крышей и металлическими ставнями, плотный забор возвышался по всему периметру, ухоженная лужайка плавно переходила в аккуратный цветник и заканчивалась у внушительных ворот.

– Я так понимаю, кладбищенский бизнес приносит копеечку, – присвистнула Вика. – Мор, что ли, в городе?

– Ты только сейчас заметила? Вроде бы еще двадцать лет назад...

– Ну хватит! – Вика резко остановилась и гневно возрилась на него. – Хочешь обсудить эту тему, выбери кого-нибудь другого! Меня уже достало! Вчера Женька, сегодня ты, на улице народ пялится, как будто черта увидали! Сколько можно?!

Илья внимательно на нее посмотрел и с серьезным видом кивнул.

– Прости, не думал, что тебя это еще задевает. У нас твоя история стала городской легендой, дети ею друг друга пугают. Я как-то уже забываю, что она реальна.

– Зато я отлично помню! – Вика злилась на себя за то, что не сдержалась и показала свою слабость. Впрочем, это не имело значения: нужно было переодеться, отдать Сычеву телефон и валить из города, пока еще что-нибудь не стряслось.

– Ты дрожишь. – Илья дотронулся до ее плеча, но тут же отдернул руку. – Платья носишь?

Гардеробная оказалась просторной и чересчур девчачьей. Спрашивать, с кем он живет, Вика не стала, но было очевидно, что женщина застряла в детстве, раз украсила помещение розовыми стразами и наклейками в форме сердечек. Очень хотелось позлорадствовать на тему его неудачного выбора, однако она вовремя напомнила себе, что чужая личная жизнь – не ее дело, а одежда сейчас крайне необходима.

– Вот это примерь, – Илья подвел ее к вешалке с ярко-красным платьем длиной чуть ниже колен, – и вот это тоже. В брюки ты вряд ли влезешь, а широкий подол может подойти.

– Не поняла? – всерьез оскорбилась Вика. – По-твоему, твоя девка стройнее меня?

– Можешь проверить, – усмехнулся Илья. – Но на твоём месте я бы не рисковал.

Совету Вика не вняла, о чем впоследствии очень жалела. Своей фигурой, выточенной в спортзале, она всегда гордилась, хотя и старалась скрывать ее от посторонних глаз. Однако хозяйка этого дома негласный конкурс, безусловно, выиграла: одежда была на пару размеров меньше, чем носила Вика, в брюки она не влезла и даже в рекомендованное платье едва сумела втиснуться. Илья ждал за дверью, периодически отпуская неприятные шутки и спрашивая, можно ли уже войти. Когда он наконец вернулся в гардеробную, Вика была чуть ли не краснее платья и старательно отводила взгляд.

– Даже не сомневался, – издевательски протянул Илья. – Странно, что хоть платье подошло.

– Да иди ты.

– Я пойду. Искать нашего Василия, раз уж выходной все равно накрылся. А ты?

– Я? – Вика на мгновение растерялась. – Домой. Лев, наверное, уже беспокоится. Да и ехать пора. Платье тебе потом отправлю как-нибудь.

– Оставь, оно тебе идет. Лучше толстовки, за которой тебя не видно.

Вика не стала объяснять, что прятаться в объемную одежду ей очень даже нравится, и просто молча кивнула. Надо было прощаться, но нужные слова все никак не находились, и возникла неловкая пауза.

– Значит, больше не увидимся, – попытожил Илья.

– Ну да.

– Тогда был рад новому знакомству. – Он протянул руку, и Вика несколько скованно ее пожала.

– Очередному.

– Может, и не последнему. – Илья улыбнулся, но было заметно, что ему тоже некомфортно.

– Спасибо за платье, – сказала Вика и рухнула на пол.

* * *

Пробуждение оказалось мучительным и долгим. Смутными отголосками сознания она уже понимала, что надо открыть глаза, ухватиться за какую-то мысль, однако все не могла вырваться из объятий небытия, из уютной безопасной темноты, где не было ничего.

Ничего, кроме телефонного звонка, вонзившегося в мозг своим резким, нетерпеливым звуком. Вика пыталась закрыть уши руками, отвернуться, уйти еще глубже во тьму, но он настигал ее повсюду, будто желая свести с ума.

– Ты дома. – Голос Ильи был неожиданно четким и громким, перебивающим проклятый звонок.

– Что? – Вика резко села и только тогда открыла глаза. Они по-прежнему находились в гардеробной, но теперь у нее на лбу лежало холодное мокрое полотенце, а склонившийся над ней Илья выглядел бледным.

– Говорю, надеюсь, это не кома. Не хотелось бы, чтоб ты тут дуба дала, пол только недавно меняли.

Вика машинально стянула со лба полотенце, непонимающе на него уставилась и перевела взгляд на красное платье, в котором было трудновато дышать.

– Это все твои странные шмотки, – бессильно пожаловалась она. – И вообще, мог бы сделать тут окно.

– Чтобы ты из него вышла? – Илья почти разогнулся и протянул ей руку.

Вика не была уверена, что сможет встать, но решила не позориться еще сильнее и все-таки поднялась. В глазах моментально потемнело, стены поплыли в разные стороны, а Илья неловко схватил ее обеими руками.

– «Скорую»?

– Нет, я... Все нормально.

– Все нормально было у меня – еще буквально этим утром. А с тобой что-то не так.

Вика поморгала, аккуратно освободилась от его рук, отошла на несколько шагов, огляделась и мысленно поздравила себя с тем, что может держаться на ногах. Самочувствие еще было не очень, но приступ, похоже, закончился, оставив лишь послевкусие в виде легкого озноба и противной сухости во рту.

– Долго я валялась?

– Минут десять. Врача хотел вызвать, но ты стонала что-то о том, что нельзя подходить к телефону. Я не совсем понял...

– А я не поняла, зачем надо было забрасывать меня мокрыми тряпками, – разозлилась Вика, хотя в глубине души сознавала, что причина ее раздражения вовсе не Илья. – Сиделка из тебя – так себе, но ладно, и на том спасибо.

– Буду тренироваться, – мрачновато пообещал он.

Путь до своей улицы Вика проделала в кратчайшие сроки – в основном из-за любопытных прохожих, которые прожигали взглядами не то чересчур яркое платье, не то ее саму. Очень хотелось перейти на бег и прикрыть лицо руками, как в детстве, но это было бы слишком большим подарком для местных сплетников. Да и, в конце концов, ей давно уже не десять лет, пора научиться выглядеть прилично.

Некстати вспомнив о дурацком обмороке, Вика еще больше съежилась, словно стараясь спрятаться от самой себя, и ускорила шаг, надеясь побыстрее оказаться под защитой родных стен, которые раньше не ассоциировались у нее с безопасностью. Усмотрев в этом некую иронию, Вика усмехнулась, немного распрямила спину и даже с радостью поприветствовала Сычева, торопливо шедшего навстречу.

– Ну, Победа, не ожидал я от тебя... – гневно сообщил участковый. Выглядел он раздраженным, почти злым, а догадаться о причинах такого настроения было несложно.

– Телефон не помог? – слабо пробормотала Вика. – Лев вам его показал? Странно, он ведь не знает...

– Он показал мне все ваши телефоны, – резко перебил Сычев. – И был весьма удивлен, когда меня увидел.

– Вы совсем ничего не узнали? – расстроено спросила она. – Я думала, вы возьмете телефон на какое-нибудь исследование или прямо у нас дома его проведете.

– А я думал, что ты слишком взрослая для идиотских шуток. В следующий раз хотя бы подключи его к чему-нибудь.

– Но...

– Давно меня никто так не разочаровывал, – с горечью произнес участковый. – Ладно, тебе плевать на Женю, но в такой сложной ситуации шутки шутить...

– Я...

Сычев в досаде отмахнулся и зашагал прочь, оставив Вику с сожалением смотреть на его удаляющуюся спину. Такой реакции она не ждала и теперь была по-настоящему огорчена, причем даже не из-за того, что телефон оказался бесполезным, а из-за того, что участковый думает о ней куда хуже, чем есть на самом деле. Вроде бы его мнение ничего для нее не значило, но Вика чувствовала себя нашкодившей школьницей, и это ощущение будто возвращало ее во времена детства, когда все было еще тяжелее.

Твердо вознамерившись уехать как можно скорее, она подошла к дому, бросила на машину Льва полный надежды взгляд и едва не заорала от ужаса. Оба колеса с левой стороны были спущены, на дверце красовалась глубокая царапина. Потоптавшись на месте, Вика, отчаянно сдерживая слезы, приблизилась к внедорожнику, нагнулась и оцупала переднюю шину. Ровный, четкий разрез не оставлял никаких сомнений в причинах случившегося.

Первым на ум пришел Сычев, который, разочарованный ее поведением, мог подобное сотворить, но представить участкового за откровенным вандализмом все-таки было сложно, да и вряд ли ему хотелось, чтобы она задержалась в городе. А кому хотелось? Жене? Возможно, но тоже маловероятно: у нее сейчас есть дела поважнее. Илья такой ерундой даже в детстве не страдал, а пару старых знакомых, которых она встретила по пути, и вовсе глупо подозревать. Ну и кто остается?

Вика разогнулась, обошла машину, отметила, что почему-то не пострадало только одно колесо, и направилась в дом. Терзать себя размышлениями можно долго, но от этого ничего не изменится, проблему все равно придется решать.

Лев находился в гостиной: он сидел в кресле, держа в руках старую пожелтевшую газету (очевидно, нашел ее в доме), и делал вид, что крайне заинтересован статьей. Вика знала, что именно так он проявляет свое негодование, однако не была уверена, к чему оно относится – к визиту участкового, к порче любимого имущества или к тому, что она немного задержалась,

пока плавала в холодной реке и валялась в обмороке. Выходило, что нужно как-то это выяснить, чтобы случайно не сделать еще хуже, потому что злился Лев крайне редко, но страшно – порой игнорируя обидчика неделями.

– У меня новое платье. – Вика зашла издалека, надеясь оценить его реакцию. – Ты не поверишь: я упала в воду и...

– О, я уже во что угодно поверю. – От газеты он не отрывался, а тон не сулил ничего хорошего. Самым правильным сейчас было уйти в другую комнату, дав ему время остыть, но с машиной срочно нужно что-то решать, а это – его зона ответственности.

– Извини, я забыла тебя предупредить об участковом. И про звонок не рассказала, потому что... Ну, это не так просто...

– А у тебя тут все непросто.

– Да я...

Лев отложил газету и в упор посмотрел на Вику.

– Скажи-ка, милая: твой дед правда похитил троих мальчишек двадцать лет назад?

* * *

Отвертеться от расспросов Льва оказалось нелегко – настолько, что даже информация о пострадавшем внедорожнике почти не помогла. С третьей попытки Вике все же удалось переключить его внимание, но было ясно, что это ненадолго: ровно до того момента, как он вернется с новыми колесами. Придумать вменяемые ответы на его вопросы вряд ли получится, а сказать правду – в принципе не вариант. И что остается?

Вика заметила свое отражение в тусклом, потрескавшемся зеркале и в страхе вздрогнула. Бледное лицо, тени под глазами, ярко-красное платье... В фильме ужасов ей самое место. Или в доме ужасов.

Она прижала пальцы к вискам, постояла так около минуты и решительно встряхнула головой. Нет, никакой паники. Осталось продержаться всего ничего, скоро они уедут. А Лев рано или поздно примет ее версию событий, что бы там Сычев ему ни наплел... Впрочем, лучше не попадаться жениху на глаза хотя бы до тех пор, пока машина не вернется в нормальное состояние.

Утвердившись в последней мысли, Вика вышла из дома и через какое-то время оказалась среди обеспокоенных соседей, пытавшихся отыскать Васю. Делали они это не слишком умело, а с ее появлением и вовсе перестали и резко устали на нее.

– Салют, – неуверенно пробормотала Вика. – Вряд ли вы меня помните...

– Помним, – почти хором ответили человек десять. Остальные вежливо промолчали, а может, действительно не помнили.

Только сейчас она подумала, что в красном платье смотрится совсем уж вызывающе, но деваться было некуда.

– Хочу помочь. С поисками.

– Ты?! – изумились две старушки. Та, что постарше, перекрестилась.

– А почему бы и нет? Я – равнодушный гражданин.

Кто-то в толпе насмешливо хрюкнул, остальные тихо вздохнули, но Вика решила не обращать внимания. Она прошла мимо людей и углубилась в еловую рощу, за которой начиналось поле. Когда-то на этом поле дед учил ее запускать воздушного змея, а теперь там бодро зеленела какая-то культура, обещавшая хороший урожай. Роща интересовала Вику куда сильнее: неровная, овражистая поверхность земли наверняка хранила много секретов, а уж ребенку здесь затеряться – и вовсе ничего не стоит. Похоже, остальные сюда еще не добрались, значит, есть возможность стать настоящей первооткрывательницей, а главное – побродить в одиночестве, но у всех на виду, демонстрируя бурную деятельность и сочувствие несчастной семье Женьки.

На самом деле Вика не была уверена, что сочувствует зачатой подружке. Вроде бы давно надо все забыть, но в детстве Женька обладала препоганым характером, а поскольку она еще талантливо сдавала и подставляла других ребят, от взрослых влетало кому угодно, только не ей.

Вика торопливо шагала через рощу, вглядываясь в траву и кусты, и неожиданно заметила ярко-желтый ситец, переходящий во что-то пестрое. Сомнений не было: стиль тети Нади за двадцать лет не изменился. Вика замедлила шаг и начала делать крюк, намереваясь обойти мать Жени по большой дуге, но вдруг подумала, что той может быть нехорошо. Подходить ближе очень не хотелось, однако совесть взяла свое.

– Здравствуй, Вика, – первой поздоровалась тетя Надя. Сидела она на перевернутом пластиковом ведре оранжевого цвета, но из-под широкой юбки его почти не было видно.

– Здравствуйте. Ну... Вы как?

– А сама-то как думаешь? – почти рывкнула тетя Надя, но тут же сменила тон: – Ты извини, столько навалилось...

– Может, позвать кого? – Стоять рядом было неприятно, хотелось поскорее уйти, но ведь просто так ее не бросишь. Выглядела тетя Надя сильно постаревшей, совсем седой, какой-то неаккуратной. До этого момента Вика почти не помнила ее лица, а теперь испытывала странное ощущение, будто вообще не уезжала и не расставалась с любимыми соседями. Когда-то давно дед платил Жениной маме за помощь в уборке своего огромного дома, а та старалась изо всех сил и заодно не упускала возможности повоспитывать Вику.

– У Васи тут шалаш недалеко, – вместо ответа сказала тетя Надя. – Он думает, никто не в курсе, а я как-то в том году ходила по грибы, увидела сорванца. Он, конечно, деру, но я-то внука всегда узнаю, как бы ни убежал... Кажись, и у вас с Женькой такой был.

– Был...

– Вот что вас всех в леса эти тянет, посидеть дома спокойно нельзя...

– Его там нет? – уточнила Вика, хотя и так было понятно, что мальчика там не было.

Тетя Надя горестно мотнула головой.

– А... А ведро вам зачем?

– Думала, может, поранился паразит... В ведре-то тащить сподручнее.

У Вики были серьезные сомнения по этому поводу, но возражать она не стала и повторила вопрос о том, не надо ли кого-нибудь привести.

– Да что там, посижу и дойду. Пусть лучше Ваську моего ищут, не отвлекаются.

Вика вздохнула, понимая, что этот ответ для нее означает, и ушла.

Дома она оказалась уже поздним вечером – после очередного скандала с Женей и поисков врача для ее мамы, у которой подскочило давление.

Лев был предельно мрачен, а с восстановлением имущества возникли проблемы: за нужными запчастями придется тащиться в соседнее село. Он выразился примерно так, только более лаконично, и теперь выжидающе смотрел на Вику. По пути она придумала пару правдоподобных историй о подвигах деда, но выдавать их в мир не было никаких сил, а мысли почему-то занимал пропавший Вася.

– Я поищу во что переодеться, – сказала Вика ровным тоном. – Раз наша эвакуация задерживается, пошарю в вещах деда.

– Того самого, который похитил троих детей?

– Ага, в его. – Надо было подойти ко Льву, обнять его, объяснить, что это все сплетни, но сейчас он казался слишком отчужденным и даже злым, и она не рискнула.

– Ты поэтому не хочешь ребенка?

Вика уже дошла до двери. Она на мгновение замешкалась, но все же продолжила путь, решив не портить себе вечер еще сильнее.

Гардероб деда оказался на редкость скудным: по сути, он состоял из старого спортивного костюма, халата, пары рубашек с коротким рукавом и выцветших брюк, которые он надевал,

когда ездил в соседний город. Эти его поездки Вика помнила чуть ли не с младенчества и помнила, как сильно их ждала, ведь каждый раз он привозил что-нибудь вкусное, а то и красивую обновку.

Она взяла рубашку, и в нос ударил знакомый запах: смесь горчицы, моторного масла и древесины. Запах этот был настолько родным, что на глаза навернулись слезы, хотя особой тоски по старику она не ощущала. Торопливо отложив рубашку, Вика стянула с себя надоевшее платье и с облегчением накинула халат. Ткань казалась слишком жесткой, а размер существенно превосходил ее параметры, но после издевательски тесного подарка Ильи ничего удобнее и представить было нельзя.

Подумав об Илье, она невольно улыбнулась и решила, что не прочь снова искупаться в холодной реке. Может, утром дойти до нее, пока Лев будет разбираться с машиной?..

Вика выключила свет, плотнее закуталась в халат и подошла к окну. Звездное небо нависало так низко, что, казалось, было готово опуститься на крышу; листья деревьев таинственно шелестели, будто скрывая секреты от посторонних глаз; ароматы сырой земли, травы и еще чего-то, слишком родного, смешивались в невероятное благоухание. В горле запершило, Вика отвернулась от окна и вдруг услышала знакомый телефонный звонок.

Он был тихим, едва различимым, но доносился точно из подвала, как и в прошлый раз. Уже жалея о том, что покидает уютную безопасную комнату, Вика бросилась к телефону. Она путалась в полах халата, дыхание сбилось, отзвук проклятого звонка начинал стучать в висках... Появление за поворотом Льва стало для нее полной неожиданностью – на мгновение она успела забыть о его существовании.

– Ты что? – оторопев, спросил он, похоже сам испугавшись.

– Телефон... Телефон звонит.

Лев с усилием взял ее обеими руками за плечи и прислушался.

– Все тихо.

– Нет, не тихо! Он разрывается! В подвале!

Вика снова сорвалась с места, но Лев ее удержал.

– Милая, я ничего не слышу. Может, от соседей что доносится, но у нас точно все спокойно.

Вика помчалась к подвалу. Проклятый звонок становился все тише, а когда она распахнула дверь и уставилась на телефон, и вовсе замолк. Лев, маячивший у нее за спиной, тяжело дышал, старые половицы негромко поскрипывали под ногами, чертов аппарат не издавал ни звука.

– Я же говорил, тебе послышалось. – В его голосе явно ощущалось беспокойство, которое он старался скрыть. – Ну бывает такое, старый дом, разные шумы...

– Наверное, – хрипло пробормотала Вика. Она почувствовала слабость в ногах и торопливо закрыла дверь подвала, чтобы больше не видеть телефон. – Ты прав, это шум от соседей или с улицы.

– Малыш, не расстраивайся. – Лев обнял ее сзади, скрестив руки на ее груди. – Ты просто очень переживаешь из-за смерти деда – все-таки он тебя растил какое-то время, был близким человеком.

Вика ощущала спиной его тепло, но перед глазами по-прежнему маячила дурацкая дверь, и отворачиваться от нее почему-то не хотелось. Будто еще была надежда, что телефон снова зазвонит.

– Обсудим все утром, ладно? – Лев сжал ее в объятиях еще крепче, а Вика медленно провела пальцами по двери.

* * *

Когда она проснулась, Льва уже не было; на столе стоял завтрак и лежала записка, в которой он сообщал, что отправился решать проблему с машиной. Порадовавшись, что скоро можно будет вернуться в нормальный мир, Вика без удовольствия прожевала остывший оладушек, натянула красное платье и вышла на улицу.

Было прохладно, солнце скрывалось за серыми облаками, порывы ветра пригибали траву и раскачивали верхушки деревьев. Вика зябко поежилась, поняла, что рискует по-настоящему замерзнуть, и отправилась за своей толстовкой, которая наверняка уже высохла.

Дома Ильи не было, у реки его тоже не оказалось, и пришлось идти на кладбище. Возвращаться туда очень не хотелось, но вариантов не было – во всяком случае, она старательно себя в этом убеждала. Друг детства действительно нашелся за цветочным прилавком: с тоскливым видом он составлял огромный букет из живых цветов.

– Помер кто? – прозорливо осведомилась Вика.

– Да вообще место такое, полно трупиков, – съязвил Илья. – Ты же обещала, что я тебя больше не увижу.

– А после этого ты порезал нам колеса.

– Чего? – Илья уронил букет и уставился на нее во все глаза. – Какие еще колеса?

– Забей, просто проверила кое-что.

– Не сознаюсь ли я в порче твоего имущества?

– Да, это было глупо: ты ж никогда ни в чем не сознавался.

Вика опустила на корточки и стала собирать рассыпавшийся букет. Идея и правда была так себе, но попробовать стоило. А теперь нужно чем-то себя занять, лишь бы не сталкиваться с ним взглядами.

Будто издеваясь, Илья присел рядом и тоже занялся цветами. Вика невзначай отвернулась, тут же уколола палец шипом и, всхлипнув, отдернула руку.

– Ну все, трындец тебе, Белоснежка.

– Я предпочитаю другие сказки.

– Страшные?

– Мои! – Вика шутливо треснула его по плечу алыми гвоздиками, Илья ответил огромным пионом, и завязалась драка. Они с хохотом возились в цветах, платье моментально покрылось зелеными травяными пятнами, в воздухе разлился головокружительный аромат, одна из пластиковых ваз перевернулась, залив место побоища застоявшейся водой. Илья со смехом стянул намокшую футболку, обнажив свой пресс, и Вика сразу вскочила на ноги.

– Ты пытаешься утопить меня второй день подряд, – нейтральным тоном сказала она, делая вид, что старается отчистить платье.

– Взаимно. – Илья тоже поднялся, с сожалением окинул взглядом потрепанные цветы и встряхнул футболку, окатив Вику мелкими брызгами. – Так ты чего пришла-то?

– Забрать свою одежду. И вернуть платье. – Она уставилась на испачканный подол и засмеялась.

– Возврату не подлежит, – тоже фыркнул Илья. – А шмотки у меня дома, только я отойти не могу. Посидишь за меня?

– За прилавком? Я же ничего не...

– Да пофиг, лишь бы подростки не ограбили.

Вика удивленно округлила глаза, но возражать не стала. Вряд ли у него тут аншлаг, двадцать минут можно и посидеть. Когда Илья скрылся из виду, она все же собрала пострадавшие цветы, оторвала то, что нельзя восстановить, а из остального соорудила вполне приличный букет, хоть и меньше изначального.

Искренне полюбовавшись своей работой, она поняла, что без воды цветы долго не протянут, взяла опустевшую вазу и отправилась искать кран, который обнаружила на ближайшей аллее. В опасность, исходящую от подростков-грабителей, Вика не особенно верила, поэтому была изумлена, когда заметила у ларька чью-то фигуру. Подивившись кладбищенскому уровню конкуренции, она поспешила назад, готовясь окатить вредителей водой.

– Что надо? – грозно поинтересовалась Вика, поравнявшись с сублильной девчонкой лет четырнадцати.

– Ну, типа... Это что?! – Девчонка вытаращила глаза, разглядывая красное платье в растительных пятнах.

– Профессиональные издержки. Вали давай.

– Куда?!

– Куда хочешь – туда и вали. Подальше от моих цветов.

– От твоих?! – возмущенно переспросила девица. – Может, и платье еще твое?

– Ну уж не твое.

– Реально?!

В ее голосе появились истеричные нотки, и Вика уже начала подозревать, что здесь что-то не так, но на нее снова обрушился удар пионами.

К тому моменту, когда вернулся Илья, от собранного букета ничего не осталось, а пронесшаяся мимо старушка, напуганная криками, сокрушила и сам прилавок. Смотреть на друга детства очень не хотелось, но Вика все же выпустила из руки прядь золотистых волос соперницы, поднялась, отряхнулась и почти с гордостью сказала:

– Я спасла твое имущество.

Илья вопросительно изогнул бровь, а девчонка бросилась ему на шею.

– Папа, это она – та воровка! Та, которая мое платье сперла!

Вика возмущенно округлила глаза, Илья смущенно отвернулся.

– Так, значит, ты стал отцом?

– Подлецом, – срифмовала девчонка, которая теперь тоже злилась на Илью.

– А зачем надо было врать про украденное платье? – не отставала Вика. Илья чересчур сосредоточенно занимался восстановлением прилавка, старательно от них отворачиваясь.

– Знает, что я даже подругам ничего даю... Кристина, кстати.

– Вика. А почему не даешь?

– Заразы боится, – наконец буркнул Илья, но поворачиваться к ним не стал. – Ты знаешь хоть одного подростка, который боится бактерий?

– Я их вообще не знаю.

– Повезло...

Кристина фыркнула – совсем как недавно Илья – и отошла поговорить с кем-то по телефону. Пока она была занята, Вика исподволь ее разглядывала, пытаясь обнаружить семейные черты. Кристина обладала копной медно-русых волос, синими глазами и стройной фигурой, которой позавидовала бы любая модель. На ней красовались розовые джинсы, белый топ и белые же босоножки, так что сомнений не оставалось: Вика побывала именно в ее гардеробной. А еще удивлялась, что размеры какие-то неправильные. Интересно, почему он не предложил что-то из вещей своей жены, а не дочери...

– Ты как? – прервал ее мысли Илья. – Не очень сильно Крис тебя...

– Не поняла? – искренне возмутилась Вика. – По-твоему, я не могу справиться с мелкой девчонкой? И почему это ты не беспокоишься за нее?

– Отбеспокоился уже, – отмахнулся он. – Когда появляется ребенок, отрастает иммунитет к таким вот вещам. Жива – и ладно. – Илья повернулся и внимательно посмотрел на Вику. – Сама когда-нибудь узнаешь.

– Меня не тянет.

– Понимаю. – Он вздохнул. – Но близкие люди все равно нужны.

– У меня уже есть один.

– Ага, у меня тоже была. А потом умерла. – Илья отвернулся и принялся расставлять увявшие цветы по вазам.

– В смысле? – не поняла Вика. – Жена умерла?

– Когда я только родилась. – Кристина подошла и теперь с любопытством разглядывала Вику. – Ты не обольщайся, он ко всем так подкатывает. Хотя платье у меня впервые стырил.

– Я верну.

– Вот уж не надо.

– Я не подкатываю.

– Так, все! – Вика подняла руки, словно сдаваясь, и торопливо направилась к пакету с вещами, который принес Илья. – Была безмерно рада познакомиться, надеюсь, больше не увидимся. Мы слевой сегодня наконец-то сваливаем, так что счастливо оставаться, развлекайтесь дальше без меня!

– Слевой? – скривилась Кристина. – Это кто?

– Ее жених, – негромко ответил Илья.

– Пап, ты дурак?..

Дальнейшую часть диалога Вика не слышала, поскольку уже была далеко. Следовало попрощаться с Ильей более вежливо, но наличие у него дочери, да еще такой взрослой, почти шокировало. Дурацкое ощущение, будто что-то очень важное проходит мимо, засадило изнутри, как бывало всякий раз, когда Лев заводил разговор о детях. Он мечтал передать свою идеальную генетику следующим поколениям, и, хотя терпеливо ждал, пока Вика созреет, было ясно, что просто так об этом не забудет.

Вспомнив о женихе, она поняла, что лучше не объяснять ему, где испачкала платье, и решила переодеться в раскидистых кустах. В конце концов, людей рядом не видно, а Лев и так узнал о ней чересчур много нового за последние дни.

Приближающиеся шаги Вика услышала слишком поздно. Она резко присела, прижимая к себе уже снятое платье и стараясь не дышать. Голос Ильи она узнала сразу и оттого еще плотнее слилась с кустами. С кем он говорит, было неясно, но по слезливым ноткам Вика предположила, что это – Женя, которой сейчас полагается участвовать в поисках собственного ребенка.

– Так что ты решил?

– Пока ничего, думаю.

– И долго собираешься?

– Мне казалось, у тебя были какие-то другие дела...

Женя замолчала, и Вика чуть не высунулась из кустов, думая, что они ушли, но снова заговорил Илья:

– Прости, не надо было...

– Почему?.. Почему ты ничего не делаешь? – Женя всхлипнула, явно намереваясь разразиться слезами, потом наступила тишина.

Вика осторожно выглянула из своего укрытия и с изумлением увидела, как Илья обнимает их общую подругу детства и успокаивающе гладит ее по спине. Именно в этот момент Вика начала чувствовать холод, кожа порылась мурашками, в горле запершило. Чтобы не закашлять, она сдавила челюсти руками, но все же издала сдержанный хрип. Илья услышал. Он повернул голову в сторону звука и уставился Вике прямо в глаза. Она нервно сглотнула и попыталась прикрыть платьем свое белье, впрочем, без особого успеха. Предательский приступ кашля снова прорвался наружу, и Женя почти обернулась к кустам, но Илья вовремя ее придержал.

– Давай я тебя провожу.

– Как раньше? – Судя по голосу, она улыбнулась, а Вика про себя возмутилась поведением мамыши, потерявшей ребенка.

– Да.

– А мороженое купишь?

– Прохладно сегодня для мороженого. – Илья, незаметно для Жени, ехидно подмигнул Вике, и та покрылась густым румянцем.

– Все равно хочу!

Илья выпустил Женю из объятий и направился дальше по тропинке, она пошла за ним, продолжая что-то канючить. Отношения друзей детства открылись с новой стороны, и теперь Вика была особенно рада, что уезжает, – тем более после такого позора.

Наскоро натянув родную, пропахшую речкой одежду, она оставила платье висеть на кусте и пошла к дому, отчаянно надеясь, что больше никого сегодня не встретит.

Лев был в саду – с лопатой и мятой коробкой из-под обуви. Выглядел он куда мрачнее, чем накануне, и Вика на всякий случай повернула назад, но была замечена.

– Милая, ты уже пришла?

– Да... Я... на кладбище сходила. – Она навесила на лицо траурное выражение, однако это не помогло.

– А что так далеко? И у нас ничем не хуже.

– В... в смысле?

Вика нерешительно подошла, внимательно к нему приглядываясь. Издевательского тона Лев почти никогда себе не позволял, а если и позволял, то в отношении людей, которых безгранично презирал. О ее приключениях на кладбище он вряд ли знает, так что... Опять соседи наплели что-то о ее прошлом?

– Сама полюбуйся! – Жестом фокусника Лев снял крышку с коробки, и Вика брезгливо шарахнулась, увидев внутри крысиный труп. Зрелище было настолько неприятным, что к горлу подкатила тошнота, и она резко отвернулась. Лев великодушно вернул крышку на место и продолжил копать ямку, пока Вика приходила в себя.

– Вынес бы на помойку, – наконец пробормотала она, все еще не в силах избавиться от впечатлений. – Где ты вообще ее нашел? Не воняло же вроде.

– На крыльце.

– Как? На крыльце? Ну, значит, кот какой-нибудь.

– Да, я тоже так подумал. А потом увидел рядом записку. – Лев вытащил из кармана клетчатый клочок бумаги, на котором вырезанными из газеты буквами было написано: «Убирайся!»

– Обычное дело, – хмыкнула Вика. – Мы тут и не такое... – Под его мрачным взглядом она осеклась и серьезнее добавила: – Они добились своего, мы же и правда уезжаем.

– Неправда, – передразнил Лев. – Мои колеса доставят только через пару дней, и ты бы знала, во что мне это влетело! В этой дыре о нормальных машинах никто не слышал. А крысу я хороню, потому что ее замочили из-за нас! Мы ей должны!

– Ну, прям так уж из-за...

– А из-за кого? Из-за твоего деда? Его тоже отсюда гнали?

– Не смогли, – с некоторой гордостью сказала Вика, хотя повод был так себе. – Я это улажу, идет? Больше не будет никаких подарков на крыльце. Обещаю!

– Интересно, как будешь улаживать? И у них ребенка сопрешь?

Вика, нежно протянувшая руку к его плечу, отшатнулась, как от пощечины, и с болью во взгляде опустила глаза. Лев гневно сжал челюсти, посмотрев на нее, с усилием выдохнул и чуть мягче сказал:

– Ты знаешь, какие слухи о тебе ходят? Да полгорода считает, что это ты похитила Василия. Слава богу, хоть ваш мент так не думает, я с ним сегодня общался. Но это – вопрос времени, когда его заставят присмотреться к тебе внимательнее. И что он увидит?

– Ничего, – буркнула Вика.

– Очень надеюсь. Ты знаешь, от кого этот сюрприз? – Он кивнул на коробку. – У тебя здесь враги?

– Нет у меня врагов, только пара мелких мерзавцев.

– И эти мерзавцы уверены, что ты сперла ребенка, чтобы отомстить Евгении за какие-то ваши детские терки. Ну как это вообще? Тебе самой-то не странно?

– Не особо...

– Вика... Это ведь не шутки. Сегодня крыса, а завтра что?

– Я же сказала – разберусь!

– Чтоб я утром твою отрезанную голову тут обнаружил? Давай-ка мотай домой на автобусе или еще на чем. Я приеду через пару дней, как закончу с ремонтом машины.

– Это – моя земля, – по слогам произнесла Вика и сама себе удивилась. – Если кто-то хочет мне что-то сказать, я его выслушаю.

Лев взглянул на нее с заметным беспокойством, но промолчал. Произнеся над могилой крысы пару слов сожаления, он отправился намыывать внедорожник, явно рассчитывая надолго себя занять, а Вика, вопреки его возражениям, пошла искать убийцу крысы.

Вариантов было много, даже чересчур, но начать она решила с тех, у кого имелись по настоящему серьезные причины ненавидеть ее деда, а может, и ее саму.

Ветхий домишко все еще возвышался на холме под одинокой скрюченной березой, как и двадцать лет назад. Теплиц и грядки рядом не осталось, поросший мхом колодец, видимо, давно не использовали, детская площадка превратилась в кладбище металлолома, из которого уныло торчали ржавые качели. Вика почувствовала дурноту.

* * *

– Вика, ну Вика, слезай, я тоже хочу! – веснушчатый лопухий мальчик ухватился за качели, чтобы их остановить, но Вика легким движением руки его оттолкнула, и тот оказался на земле.

Двое других мальчиков, тоже девяти-десяти лет, принялись заливисто смеяться над пострадавшим, а тот горестно разглядывал ссадину на ладони. Вике стало его жаль, но она не хотела этого показывать и раскачивалась все сильнее и сильнее, пока не послышался оглушительный треск.

Рухнув вместе с качелями, Вика пару мгновений посидела с ошарашенным видом, поднялась и озадаченным взглядом обвела поверженную конструкцию, прикидывая, как ей за это влетит. В доме хлопнула дверь, дядя Миша, папа мальчишек и хозяин качелей, торопливо приближался, на ходу доставая ремень.

– Простите, – тихо пробормотала Вика, – я не хотела...

– Кто? Кто из вас это сделал? – сурово осведомился дядя Миша.

– Я просто качалась...

– Кто из вас не уследил за безопасностью девочки, да еще нашей гостьи? Ну? Отвечайте!

Мальчишки потупились, стараясь не смотреть на отца, а Вика вдруг ощутила внутреннее торжество, почти всемогущество.

– А чего у вас качели ничем не закреплены? – нахраписто спросила она. – Так и шею можно свернуть!

Дядя Миша устался на нее как на диковинную зверушку и, встряхнув ремнем, направился к ней. Лопухий мальчик, которому так и не удалось покачаться на качелях, заслонил Вику собой.

* * *

Вика встряхнула головой, не сразу сообразив, где находится. От влажной земли намокли джинсы, рука судорожно сжимала пучок сорванной травы, кривая береза будто извивалась в нелепом танце. Вика согнула вмиг ослабевшие ноги в коленях и попыталась встать. Удалось это не сразу, но к тому моменту, как она все-таки поднялась, береза перестала плясать, а выглянувшее из-за облаков солнце добавило в пейзаж немного жизни.

Снова обморок? Или сон? Что это такое? Откуда вдруг явилось дурацкое воспоминание из того времени, о котором давно следовало забыть? Вика снова взглянула на качели и поскорее отвернулась.

Дядя Миша недолюбливал ее деда, но ее саму – вроде бы нет. По крайней мере, явно этого не демонстрировал. Прошло двадцать лет, сколько ему сейчас? Ближе к шестидесяти? Человек пережил тяжелейшую потерю; возможно, до сих пор живет в этом доме... Способен он дойти до убийства крысы? Конечно способен, вполне может быть, что уже свихнулся... В общем, есть повод заглянуть к нему в гости.

Мысленно ругая себя за глупый риск, Вика все же подошла к дому, постучала в дверь и даже не удивилась, когда та с противным скрипом открылась.

– Дядя Миша... – Отчество и фамилию она не помнила, да и не думала, что сможет называть его как-то иначе. – Дядя Миша, я поговорить хотела. Есть кто живой?

Вика несмело прошла в дом и поморщилась от противного резкого запаха. На полу валялась какая-то рваная одежда, стояла посуда с заплесневевшими остатками еды, куски выцветших обоев печально свисали со стен, одно из окон было забито картоном.

– Теперь я знаю, где вы нашли крысу! – наугад крикнула Вика, уже ни на что не надеясь: понятно, что здесь давно никто не живет.

Она прошла дальше, стараясь не наступать на осколки тарелок, и едва не заорала, когда куча барахла в углу зашевелилась. Нервно всхлипнув, Вика попятилась, запнулась о грязный половик, неловко пытаясь удержаться за стул, упала и от ужаса закрыла глаза.

– К врачу, срочно к врачу, – пробормотала она, задыхаясь от страха. – Эти обмороки, эти звонки... Я больна. Я больна. Чем-то ужасным. Чем-то...

– Все мы больны, – философски заметил голос из кучи.

Вика открыла глаза и присмотрелась к тряпью. Голос и лицо явно принадлежали молодому человеку, но понять, кто это, она не могла.

– Дядя Миша?

– Какой еще дядя Миша? – Человек под тряпьем изменил положение тела, и стало ясно, что пол она определила неверно. – Утек твой дядя Миша давным-давно, только его и видели.

Вика поднялась, стряхнула с одежды налипший мусор и уже увереннее уточнила:

– Куда утек?

– А кто его знает? Как сыновей похоронил, так и утек. Небось бабу где завел, еще спингрызов настрогал. У мужиков же это просто, раз, два – и в дамки.

– В какие дамки? – запуталась Вика. – Он уехал, что ли? А вы кто?

– Дык... Жена его. Единственная, законная, на минуточку. Так и не развелся, паршивец. А знаешь, оно и к лучшему: подохнет, и я – прямая наследница. Единственная.

– Если он детей настрогал, то нет, – зачем-то ляпнула Вика и тут же об этом пожалела. – Скажите, вы к крысам как относитесь?

– Фе...

– Что?

– Фе... феерично.

– Понятно. – Вика не знала, что еще сказать, и понимала, что ошиблась, думая, что крысу подкинули из этого дома. Женщина, лежавшая перед ней, вряд ли знала о ее приезде и вообще о чем-либо, кроме наболевшего у нее. А дядя Миша, выходит, уехал, причем – давно. Что ж, может, хоть он сумел наладить жизнь. – До свидания, всего доброго.

Женщина кивнула и отвернулась к стене, а Вика попыталась воскресить в памяти ее молодой образ, но так и не смогла. Супруга у дяди Миши определенно имелась, однако какого-то активного участия в жизни семьи она не принимала уже тогда. Во всяком случае, мальчики всегда гуляли одни, лишь изредка Вика видела их с отцом, а вот с матерью – вроде бы вообще никогда не видела.

Немного пошатавшись по окрестностям, она от нечего делать присоединилась к поискам Васи, выслушала много удивительных вещей о своем деде, окончательно поняла, что даже благими намерениями уже ничего не исправить, и направилась к дому. Льва нигде не было, зато машина сияла чистотой, шаткие прежде перила крыльца теперь стояли намертво, а в холодильнике нашлись свежие продукты.

Отметив, что любимый начал обживать, Вика приготовила ужин, еще раз не без опаски осмотрела чертов телефон и решила, что можно наконец принять душ. До этого момента вопросы гигиены ее занимали мало, тем более что повезло искупаться в реке, но теперь проблема становилась насущной.

Ванная в доме имелась, однако, изучив ее состояние, она подумала, что лучше в ней не мыться, и пошла разбираться с летним душем во дворе. Система оказалась привычной, а клеенчатая шторка была еще в приличном виде, и вскоре Вика стояла под струями холодной воды, мысленно проклиная свою жизнь.

Уже собираясь закончить пытку холодной водой, она заметила на участке какую-то тень. В окнах горел свет, который Вика забыла погасить, и от него струилось мягкое сияние – как раз в сторону душевой кабинки. Между кабинкой и домом, на небольшой лужайке, определенно что-то происходило, но она могла разглядеть лишь силуэт.

– Лев? – Вика почувствовала, как голос дрогнул, хотя причин для этого вроде бы не было. – Милый, я скоро, ужин на столе.

Ответа не последовало. Вика вся съежилась, и на этот раз не от холода. Постаравшись взять себя в руки, она завернулась в полотенце, чтобы не тратить время на одевание одежды, и, не выключая воду, осторожно отодвинула занавеску. Темная громада дома выделялась на фоне вечернего неба, свет, лившийся из окон, говорил о том, что внутри оазис спокойствия и безопасности, с улицы не доносилось ни единого звука.

Тем не менее выходить из кабинки было страшно, Вика ощущала почти животный ужас, сама не понимая почему. До дома всего несколько метров, быстро пробежать их, захлопнуть за собой дверь, позвонить Льву или Сычеву... Что может случиться за это время? Пусть местные ее ненавидят, но не убьют же, в самом деле.

Вика сделала несмелый шаг из кабинки, ощутила босой ногой сырую землю и тут услышала знакомый телефонный звонок. Сердце ухнуло куда-то вниз, в глазах замелькали черные точки, во рту пересохло. Не отдавая отчета своим действиям, она запрыгнула обратно в душ, и в то же мгновение рядом с чудовищным скрежетом рухнуло что-то тяжелое – как раз на то место, где Вика должна была стоять. Она завизжала и закрыла лицо руками, а когда почувствовала на своих плечах чужие руки, принялась отбиваться.

– Вика, успокойся! Малыш, это я...

Она не сразу расслышала его голос и не сразу узнала, но паника была настолько дикой, что долго сопротивляться Вика все равно не могла и лишь бессильно прислонилась к задней

стенке кабинки, готовясь умереть. Лев выключил воду, осторожно провел руками по ее предплечьям и потянул за собой, на улицу.

Вика, еще дрожа всем телом, послушно двинулась за ним, запнулась об упавшую сверху большую металлическую бочку для воды и, неловко зацепившись за Льва, выпрямилась. Никаких опасностей поблизости не было, пострадавший душ вряд ли мог развалиться еще сильнее, а холод начал по-настоящему пробираться. Лев легко подхватил ее на руки, занес в дом и после долго растирал ладонями и отпаивал горячим чаем, но ощущение ледяного ужаса никуда не делось.

– Просто ржавая бочка свалилась с таких же ржавых опор, – в который раз повторил он.

– Там кто-то был.

– Тени деревьев.

– Говорю тебе...

– Малыш, я никого не видел. Вернулся из магазина, ты в душе орешь, бочка валяется рядом...

Вика плотнее закуталась в халат деда и поставила горячую чашку на стол. Она сидела, прижав колени к груди и упираясь спиной в стену, будто опасалась, что сзади мог кто-то напасть. Лев стоял перед ней, засунув руки в карманы, – спокойный и уверенный, словно ничего не случилось.

– Там была тень. Человеческая.

– Может, мимо кто проходил, тут же глухая провинция, чешут напрямик, куда хотят...

– Это куда? Только в лес и на кладбище, там больше некуда. – Вика вдруг подумала об Илье с его похоронным бизнесом, но решила, что такие проделки не в его духе. – И эта бочка меня бы убила, если бы не...

– Что?

– Если бы я вовремя не вернулась в душ, – буркнула Вика, посчитав, что о телефоне говорить не стоит. Тем более что слышать его с улицы она никак не могла, и это все уже действительно начинает говорить о том, что ей необходима неотложная психиатрическая помощь.

– Вряд ли ты из-за этого погибла бы – максимум загремела бы в больницу, – сказал Лев, видимо даже не подозревая, что ее мысли тоже направлены в сторону медицины.

– Это тот же, кто подкинул крысу. Ты сам сказал про мою отрезанную голову, и вот...

– Милая, ты ошибаешься. – Он сел рядом и прижал ее к себе. – Попытка напугать – это одно, а покушение – совсем другое. То, что я сказал, это просто от возмущения. Не может человек так быстро дойти от ерунды до настоящего преступления.

– О-о, ты не знаешь местных! – Вика вскочила и заходила по комнате. – Не знаешь, на что они способны, как они травили деда...

– В смысле – травили? – напрягся Лев.

– Не в прямом. Но суть от этого не меняется.

– Ладно, раз ты так волнуешься, давай вызовем полицию, покажем им записку и бочку.

Вика представила осуждающее лицо Сычева и решила, что до утра дело с вызовом полиции точно потерпит.

– Может, завтра.

– Тогда сегодня, раз уж заняться больше нечем, я хочу услышать о подвигах твоего деда.

– Нет никаких подвигов, это все слухи.

– Убийство троих мальчиков тоже?

– Ну... – Вика замаялась, но сейчас ее беспокоило странное покушение, а биография деда уже не казалась такой уж мрачной. – Они пропали, когда мне самой было лет десять.

– Как? С концами?

– Ну да.

– Все трое? Так не бывает.

– Я же говорю, места у нас дикие, – расстроено буркнула Вика, даже не заметив, что срослась душой с малой родиной. – До сих пор никаких следов, насколько я знаю.

– То есть как с Васей? – медленно проговорил Лев.

– По-твоему, терпеливый маньяк сидит тут и ждет каждого моего приезда, чтобы спереть очередного ребенка?

– По-моему, подозрения твоих соседей не так уж и беспочвенны. – Он говорил с сарказмом, но чувствовалось, что история с мальчиками его неприятно задела.

– Дурак.

– Поставь себя на их место – эта связь с твоими визитами и правда какая-то странная.

– Странно, что ты не боишься высказывать такое в лицо предполагаемой психопатке.

Лев улыбнулся, допил ее чай из оставленной на столе чашки и начал разбирать пакеты с принесенными из магазина продуктами.

– Да брось, я тебе слишком дорог. А ты знала тех пацанов?

– Мы дружили, – нехотя ответила Вика. – Они часто слонялись сами по себе, просто куда-то вляпались, вот и все.

– Но подозревали твоего деда?

Ей показалось, что Лев напрягся, но, поскольку он стоял лицом к холодильнику, Вика не могла определить это наверняка и оттого начала нервничать.

– Ну, типа, он – последний, кто их видел. Кроме настоящего похитителя, само собой.

– И что, из-за этого подозревали?

– Еще из-за того, что он был нетрезв и бегал по улице с топором, гоняя детей, которые шумели и мешали ему отмечать...

– Что отмечать? – зачем-то спросил Лев и повернулся к ней.

– Какая разница? У Ильи... У друга моего был день рождения, я там была, и эти пацаны туда шли. Опаздывали, потому что не могли найти подарок или что-то в этом духе. Короче, из дома до места, где днюху отмечали, они не дошли.

– Так они шумели на улице?

– Мы все шумели – за пару часов до их исчезновения. Мне за деда тогда было очень стыдно, он на ногах едва стоял. Но я его успокоила. Потом я пошла к Илье, а пацаны – к себе, за подарком. Соседка видела, как они чесали мимо нашего дома в сторону леса, и дед им что-то крикнул – они вроде остановились... Ну и все, дальше они просто испарились. А дед уверял, что не разговаривал с ними, но ему никто не верил, потому что, в общем-то, он мог и забыть.

– Подожди, зачем они шли в сторону леса? Твой друг, у которого день рождения был, где-то там живет?

– Нет, не там. Зачем пацаны туда пошли, никто не знает. Была версия, что у них в лесу какая-то встреча, но, по-моему, это бред. Я точно помню, что они собирались за подарком и больше никуда. Да и потом, их же было трое. Если бы в лесу на них напали, хотя бы один сумел сбежать, попросить помощи в ближайших домах.

– Почему они вообще вместе пошли за подарком?

– Они братьями-погодками были... А может, и сейчас еще остаются. Везде вместе ходили.

– Ну, тогда есть простое объяснение: одному угрожают оружием, а остальные из-за этого не могут убежать, не хотят бросать брата в беде. И так их куда-нибудь потихоньку увели.

– Все равно странно, что никаких следов. И что им делать в лесу? Мне всегда казалось, что соседка ошиблась, что-то перепутала и направила следствие не в ту сторону.

– Ну, понятно, почему тебе так казалось... – Лев засунул в холодильник банку сметаны и захлопнул дверцу.

– Вот и не поэтому, – поморщилась Вика. – Мой дед – кто угодно, но точно не маньяк, я бы как-нибудь заметила. На кой черт ему чужие пацаны, да еще в таком количестве?

- Сама же говоришь, что он был нетрезв. Мало ли...
- Много ли, – передразнила Вика. – Не водилось у него никаких таких наклонностей, а соседка уже пожилая была.
- А сейчас?
- Померла, наверно.
- Но точно ты не знаешь?
- Хочешь с ней пообщаться? Она же все равно ничего нового не скажет. Даже если поняла, что тогда ошиблась, уже не признается. Тем более моему жениху.
- Да, ты права... – Лев явно хотел закончить этот разговор, но было ясно, что с Викой он не согласен, а ее деда всерьез подозревает в том, в чем подозревали и все остальные. У нее закружилась голова, во рту пересохло. – Все хорошо? Ты побледнела.
- Просто устала, – отмахнулась Вика и в ту же секунду услышала звонок.

* * *

По реакции Льва было ясно, что он ничего не слышит. Она и сама едва различала знакомый звук, – будто он доносился из преисподней. Вика обреченно закрыла глаза, надеясь, что наваждение исчезнет, провела ногтями по ладони, чтобы вспомнить ощущение реальности, и снова взглянула на Льва. Он как ни в чем не бывало заваривал чай для них обоих и болтал о какой-то ерунде вроде местных природных красот. Смотреть на него было странно и непривычно: Вика никак не могла избавиться от чувства, что находится вне этого помещения, словно в другом мире, и наблюдает за любимым со стороны.

– Пойду закрою на втором этаже окно, – через силу пробормотала она, чувствуя, что язык плохо слушается.

– Вроде все закрыто, – удивился Лев.

– Нет, сквозит откуда-то. – Вика поднялась и, будто под гипнозом, направилась к подвалу.

Все внутри нее сопротивлялось, почти кричало о том, что надо немедленно вернуться, но она продолжала идти вперед. Звонок становился то тише, то громче, то звал ее из глубин вселенной, то таинственно манил куда-то в пустоту. Темный коридор виделся путем в небытие, стены словно смыкались над головой, оставляя все меньше пространства для вдоха, дверь подвала неодолимо приковывала взор.

Вика несмело ее приоткрыла, прошла внутрь и воззрилась на телефон. Аппарат звонил с такой силой, что даже подскакивал, грозя вот-вот свалиться со стола. Мелькнула мысль, что если бы он упал, это было бы настоящим спасением, однако в глубине души она понимала, что телефон все равно не успокоится, пока не получит то, чего хочет. Что ж, пару часов назад он спас ей жизнь, пришло время вернуть должок.

– Алло... – робко сказала Вика, чувствуя, как трубка раскаляется и вибрирует в ее руке.

– Помогите! Выпустите нас!!!

Голос мальчика был знакомым: явно это тот, с кем она разговаривала в прошлый раз. Но теперь Вика не была уверена, что говорит Вася. Впрочем, похоже, их там несколько...

– Как тебя зовут? – собравшись с духом, спросила она, хотя уже была бы рада, если бы звонок просто прервался.

– Помогите!!! – Ребенок ее будто не слышал, его голос отдалялся, но, казалось, все еще звучал где-то рядом.

– Я – Вика. А ты?..

– Мы же так опоздаем! И родители будут искать!

В этот раз голос был другим, но очень похожим на прежний. Вика не могла понять, вступил в разговор другой мальчишка или это все тот же. Она напрягала слух, надеясь разобрать хоть что-нибудь полезное, но все было тщетно.

– Ребята... Я еще раз приведу полицию, обещаю. Но если вы можете сказать, где...

– Слышишь? Он нас выпустит! Ура!

– Кто? – от неожиданности ляпнула Вика.

– Окно открой! Помоги ему!

Вика машинально перевела взгляд на небольшое подвальное окошко, за которым уже было темно, и зябко поежилась, хотя щеки горели от волнения, а трубка начинала жечь ладонь.

– Так, я рада, что вас нашли, – попыталась сосредоточиться она, – но все-таки я бы хотела...

– Ма...

В подвал вошел Лев, и из трубки тут же понеслись гудки, а за ними наступила тишина. Выглядел он неважно, а на Вику смотрел едва ли не с ужасом.

– Милый...

– Ты сейчас говорила сама с собой? – медленно спросил Лев, внимательно к ней приглядываясь.

– Да. – Вика резко положила трубку. – То есть нет. Того ребенка вроде сейчас спасают.

– Васю?

– Нет, не Васю, – подумав, сказала она. – Другого. Других – их там несколько. Но все закончилось хорошо, их нашли.

– И ты об этом узнала...

– Да просто узнала...

Лев подошел, аккуратно отгеснил Вику от телефона, послушал тишину в трубке, взял в руку болтающийся провод и снова его бросил.

– Я забыла закрыть окно, – извиняющимся тоном выдавила Вика. – Сейчас схожу...

Лев молча придержал ее за локоть, не давая уйти.

– Ну что ты от меня хочешь?

– Твоего деда считали психопатом, а ты говоришь с кем-то по отключенному телефону.

Правда не понимаешь, чего я хочу?

– Не понимаю! – разозлилась Вика. – Это какой-то странный технический сбой, ну и что? А дед был в полном порядке, просто пить начал, когда мою маму похоронил. Беременную, между прочим! Я бы на тебя посмотрела в такой ситуации!

– А мама тоже слышала голоса?

– Ничего она не слышала! – процедила сквозь зубы Вика. – Ничего необычного, в смысле. Знаешь что... – Она с усилием сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться. – Я пойду прогуляюсь, подышу воздухом. А ты подумай о своем поведении!

– О моем поведении? О моем?!

Вика его уже не слушала, она торопливо покинула подвал и действительно вышла на улицу, где подставила разгоряченное лицо прохладному ветру. Кровь пульсировала в висках, руки дрожали, ярость, поднимавшаяся откуда-то изнутри, никак не унималась.

Она отошла от дома, стараясь на него не смотреть, и столкнулась с Ильей, которого в потемках приняла за дерево.

– Еще одно покушение на мою драгоценную жизнь...

– Чем она такая драгоценная?

– Если я скажу, ты будешь покушаться еще чаще.

Вика против воли фыркнула, но желания поддерживать ничего не значащий треп сейчас не было. Лицо все еще горело, пальцы непроизвольно сжимались в кулак, дыхание было частым.

– Что-то случилось? – догадался Илья, хотя Вика надеялась, что темнота скрывает ее состояние.

– Нет.

– В этом «нет» столько отчаяния, боли, сомнений...

– Ну хватит уже! – Она с усилием разжала кулаки и провела рукой по волосам, пытаясь сосредоточиться на привычном движении. – В моем доме привидения, только и всего. Гораздо интереснее, что ты здесь делаешь в такое время и почему оставил несовершеннолетнюю дочь одну.

– Вообще-то я думал, что ты уже уехала, – сказал Илья. – И что там с привидениями?

– Ничего, у них полный порядок.

– Так и думал... Ты Кристину не видела?

– Конечно, видела. На кладбище. Она еще пион об меня повредила. Огромный был, кстати, небось дорогой.

Илья усмехнулся и неожиданно пожаловался:

– Она совсем чокнулась со своим блогерством, подкаст какой-то делает. Вот ты слушаешь подкасты?

– Нет.

– И никто у нас не слушает, некоторые новости еще смотрят по черно-белому телику. И не потому, что не могут купить новый, а потому, что старый жалко – работает же.

Илья говорил весело, но Вика снова напряглась, некстати вспомнив об одном древнем телефоне, который дед вовремя не выбросил.

– Ну и о чем ее подкаст?

– О... – Он вдруг запнулся и виновато посмотрел на нее. В темноте Вика этого не видела, но была абсолютно уверена: его понурый взгляд она помнила чуть ли не с младенчества.

– О чем? – с нажимом спросила она, хотя уже знала ответ.

– О нетипичном исчезновении троих пацанов двадцать лет назад, – буркнул Илья. – И, между прочим, скажи спасибо: она у тебя интервью хотела взять, а я объяснил, что это – смертельно опасно.

– Ну а теперь она ищет Васю? Конечно, это совершенно неопасно.

– С чего ей его искать? Крис...

– Я бы именно так и сделала – сенсация же.

Илья побледнел настолько, что его лицо теперь казалось абсолютно призрачным, и Вика пожалела о том, что устроила легкую месть. В конце концов, все, что здесь происходит, уже очень давно ее не касается, и даже если девочка собирается прославиться за счет давней трагедии – это проблема ее отца, из которого получился не самый хороший воспитатель.

– Тусит где-нибудь, – успокаивающе сказала Вика. – Ты же не первый год замужем, должен знать подростков.

– В этом-то и проблема...

Вика понимающе хмыкнула, внезапно вспомнив некоторые из их проделок, которые им удавались еще до переходного возраста. Пожалуй, быть ребенком в этой местности чересчур опасно. Одна радость – тех, кто ей звонил, уже спасают.

– Я с тобой поищу, – неожиданно предложила она. – Ты же думаешь, что она у моего дома ошивается, так что это в моих интересах.

– Лишь бы не в интересах твоих привидений.

Вика невольно вздрогнула, однако ничего не сказала.

* * *

Рассвет наступил как-то моментально. Еще было совсем темно, и вдруг розоватые солнечные лучи осветили верхушки деревьев, птицы запели на разные лады, от росы намokли ноги, но ощущение было приятным. Природа просыпалась, готовясь к новому дню, и предельно мрачное лицо Ильи в атмосфере всеобщего ликования никак не вписывалось.

– Наверняка твоя Кристина давно дома, – широко зевнув, подбодрила его Вика.

– Если так, то следующий месяц она оттуда не выйдет.

– А если не так – то пусть гуляет, сколько хочет?

– Очень смешно.

– Не очень. Но она – мелкая зараза, а мы сделали что могли. Я вообще не помню эту часть города.

– А мы здесь и не гуляли. Дом-то найдешь?

– Если что – ты и меня поищешь.

Вяло махнув рукой на прощание, Вика побрела в сторону родной улицы. Спать уже не хотелось, было ощущение тупой безграничной усталости, но в то же время настроение было приподнятым. Если бы не выходка Кристины, она уже давно была бы дома, может, даже успела бы помириться со Львом. Однако все вышло гораздо лучше, и ночная прогулка в компании Ильи вернула ей нечто давно забытое, но очень родное. Вика то и дело ловила себя на том, что улыбается, что радостно щурится от ласкового солнца, что идет непривычно легкой, быстрой походкой, какой не ходила с детства.

Город начинал просыпаться: на улице стали появляться первые люди, издали доносился бодрый собачий лай, где-то уже шумели машины. Вика не знала графика работы местной полиции и не помнила, где находится отделение, но решила, что можно заглянуть к Сычеву домой. Наверняка у него была тяжелая, зато победная ночь, и сейчас он отмечает спасение мальчишек, с которыми она говорила по телефону. Правда, конечно, он и на работе может быть, но, в конце концов, ее визит пока не совсем официальный, так что стоит зайти по-соседски.

Дом Сычева не изменился по форме, но зато обрел новенький, сияющий чистотой фасад, кровлю другого цвета и пластиковые окна. Жилище участкового Вика помнила совсем иным: во времена ее детства это была почерневшая, дышавшая на ладан избушка, на которой почти лежала корявая, разросшаяся сирень. Теперь цветущего кустарника не было, и его отсутствие даже расстроило – будто кто-то вынул душу из прежней постройки.

Вика надавила на кнопку звонка у калитки, послушала дребезжащий, клокочущий звук и уже собиралась уйти, когда Сычев все-таки вышел. Выглядел он неважно: очевидно, сказались бессонная ночь. Представив, как смотрится сама, Вика плотнее завернулась в толстовку и встряхнула волосами, стараясь хоть немного прикрыть лицо.

– Победа, ты ли это?

– Вы ведь уже и не помните, когда начали меня так называть? – улыбнулась Вика.

– Я и раньше не помнил. – Он зевнул. – Вроде ты еще в коляске была, а уже прозвище прицепилось.

– Ну как там... кхм... с поисками?

– Никак, – поморщился Сычев. – Ты же знаешь наши леса: если пацан туда рванул, можем и останки... В общем, не найдем никогда. А реку второй день прочесывают, но там внизу по течению омуты, так что...

– Да я не про него. – Вика уже почти забыла о Васе и теперь чувствовала себя виноватой, хотя сама не знала почему. – Те звонки, о которых я говорила. Там...

– Ой, Победа, заканчивай ты с этим! – начал злиться Сычев. – Пошутили – и будет. Дед твой не одобрил бы.

Вика собиралась ответить, что ей плевать на его одобрение, но вдруг почувствовала, что это не так. Человек, который давно перестал играть хоть какую-то роль в ее жизни, странным образом продолжал управлять ее поведением, пусть и не напрямую.

– То есть никаких новостей нет? – протянула она, прикидывая, может ли участковый еще не знать об освобождении детей. – Вообще никаких?

– Я тебе что, радиостанция? За новостями – туда. А мне на работу надо.

– А... А я к вам по одному делу...

Сычев уже развернулся, чтобы уйти, но остановился и внимательно на нее посмотрел. Вика смутилась. После истории с телефоном говорить о покушении в душе было по меньшей мере рискованно: участковый и так думает, что она издевается над ним. С другой стороны, как об этом не сказать? Он же сам знает, что отношение местных к ней предельно неприязненное. Да и Женя еще...

– Меня убить пытались, – тихо выдавила Вика. – И мне не показалось, мой жених – свидетель...

Сычев внимательно ее выслушал, с удовольствием зевнул и без интереса уточнил:

– Ну, значит, настоящего покушения не было?

Вика скрипнула зубами. Становилось очевидным, что ей никто не поможет. Вступать в дискуссию бессмысленно, жаловаться начальству Сычева – скорее всего, тоже. К тому же Лев вряд ли подтвердит ее историю. Вернее, подтвердит, но с другого ракурса, который окончательно уничтожит любое доверие к ее словам. Может, действительно взять билет на автобус и просто уехать?..

– Вам будет стыдно, когда вы обнаружите мое бездыханное тело, – с упреком сказала Вика.

– Лишь бы оно было молчаливым.

– Хорошего дня, – процедила она сквозь зубы и зашагала прочь, не забыв предварительно пнуть его калитку.

Ладно покушение, возможно, у того, кого она видела ночью рядом с домом, не было совсем уж злого умысла убить ее – если бы и правда хотели убить, уже убили бы. Но что насчет детей? Она отчетливо слышала, как мальчик говорил, что помощь подоспела, а Сычев до сих пор не в курсе? Не исключено, что дозвонившийся до нее ребенок живет не очень близко, участковый мог и не знать о его пропаже. Но какие-то ориентировки у него все равно должны быть. Тем более что странно не связать это дело с исчезновением Васи. Может, связи с ним и нет, но ведь проверить все равно обязаны. А Сычев не в курсе? Или делает вид, что не в курсе?

Вика остановилась перед витриной какого-то магазина и с ужасом уставилась на свое расплывавшееся в грязноватом стекле отражение. Почему Сычев притворяется, что ничего не знает? Причина только одна: он подозревает ее в пропаже Васи.

Отражение замерло и вытаращило красные, измученные отсутствием сна глаза. Женя открыто обвиняет ее в исчезновении сына, остальные соседи в целом вежливо молчат, но по их лицам тоже все ясно, так с чего бы Сычеву иметь другое мнение? Из-за давней дружбы с дедом? Но какие отношения у них были в последние годы? Да даже если хорошие, поиски ребенка все равно важнее. А участковый прямым текстом дал понять, что найти тело уже не рассчитывает. Вот только действительно ли он сказал правду? Или надеялся таким способом усыпить ее бдительность, заставить совершить ошибку? Если так, то получается, что за ней следят, и вчерашний человек возле душа...

Вика прислонилась лбом к прохладному стеклу, разглядела за ним симпатичную кастрюлю с цветочным узором и попыталась сосредоточиться на ней, пристально рассматривая причудливые завитки. Дыхание стало ровнее, пульс замедлился, паника начала сходиться на нет.

Звякнул дверной колокольчик, на улицу высунулась полная женщина средних лет. Вика понимала, что должна оторваться от стекла, но враз появившаяся слабость вынуждала ее прислоняться хоть к чему-то.

– Девушка, вы заходите или что?

– Сейчас...

– Вы соображаете, что делаете? Надышите мне так, что витрину опять придется мыть!

– В смысле – опять? – Вика мгновенно оторвалась от стекла. – Да вы ее лет пять не мыли, я тут заразу подхвачу! Совесть надо иметь, нельзя же так нагло врать!

Женщина попыталась что-то ответить, но Вика уже бодро шагала вниз по улице, радуясь, что мелкая перепалка привела ее в чувство. Ну в самом деле – что она себе надумала? Какое-то преследование, да еще со стороны Сычева, который в детстве ей был практически дядей... Он же куда круче, чем предполагает должность почти сельского участкового. Помнится, в молодом возрасте повышение в звании получил, кажется, за отвагу... Дед говорил, что его в столицу звали, а он не поехал: решил остаться там, где вырос. Подтекст был такой, что и Вика должна сделать то же самое, но главное не это, а то, что дед упорствовал, очень давил на тему малой родины, и забыть его слова не получается до сих пор. В том числе и те, что касались Сычева.

И что, настоящий профессионал вроде него не понимает, что у нее нет мотива, что ей незачем красть ребенка Жени даже при всей к ней нелюбви? Конечно, участковый даже не думал ее подозревать, просто не верит, что в ее доме происходит что-то серьезное. Да и кто бы на его месте поверил? Тем более что у него сейчас другие заботы.

Вика дошла до дома, поднялась на крыльцо и потянула на себя дверь. Дверь, запертую изнутри. Ключей при ней не оказалось, а подобной подлости от Льва она никак не ждала и тому, что дверь заперта, скорее удивилась, чем разозлилась.

Пройдясь вокруг дома, она проверила окна, но те тоже были закрыты. Можно разбудить Льва, однако после этого придется с ним объясняться, и поспать все равно не получится. Тащиться к Илье бессмысленно: он сам только заснул, если нашел Кристину. А если не нашел, то ему не до гостей. Ну и что остается?

– Родное гнездо, – пробормотала она, чувствуя безграничную усталость. Вдалеке закаркал ворон.

* * *

Ритмичный металлический звук отражался эхом от стен, пробивался сквозь темноту и, казалось, растворялся где-то в затылке. Голова отчаянно болела, глаза не желали открываться, тяжелый тревожный сон завладел ею целиком, пропуская один только шум.

– Да хватит дрыхнуть!

Вика попыталась приоткрыть левый глаз, но потерпела неудачу и снова провалилась во тьму.

– Вставай, говорю!

Лицо обдало холодной водой, Вика дернулась, сильно ударилась обо что-то головой и вновь услышала металлический гул, от которого сводило зубы. С болезненным стоном она выползла из бочки, хватаясь руками за сырую землю, и уставилась на красные босоножки, маячившие у нее перед глазами.

Кристина отбросила палку, которой, очевидно, лупила по бочке, и принялась с любопытством изучать взглядом Вику – до сих пор не вполне понимавшую, где она и что происходит.

– Ты спала в бочке? – зачем-то спросила Кристина, хотя явно не нуждалась в ответе.

– Вы.

– Что?

– Вы. Я – взрослый человек, а ты – нет.

– Да пофиг, ты же подруга моего папы, почти семья.

Вика поморщилась, пошатываясь, встала на ноги и огляделась. Судя по положению солнца, день в самом разгаре, поблизости только Кристина со смартфоном в руке, дверь дома по-прежнему закрыта, но это ни о чем не говорит.

– Он знает, что ты здесь?

– Конечно.

– Понятно. Марш домой.

– Это твой официальный комментарий? – Кристина направила смартфон ей в лицо, и Вика резким движением закрыла его камеру. – Так тебя выгнали из твоего же дома?

– Отвянь.

– Я не могу, это непрофессионально.

– Непрофессионально – бесить родного отца, на чьи деньги куплена твоя игрушка.

– Вот еще. – Кристина опустила смартфон. – Я сама заработала, почту доставляла.

– Прекрасная карьера, для тебя – в самый раз.

Вика понимала, что злится не на зловредную девчонку, но сдержаться не могла. Голова трещала, как от сильного недосыпа, в горле першило, конечности затекли. Морщась от неприятных ощущений, она дошла до дома, подергала за дверную ручку и мысленно констатировала серьезный семейный разлад.

– А где твой жених? – с наивной детской непосредственностью спросила Кристина.

– Машину восстанавливает, – сказала Вика, искренне на это надеясь. Тон Кристины ей не нравился, а способ избавиться от надоедливой девицы она знала только один, но Илья действительно не выпустит дочь из дома следующие двадцать лет. Против воли Вика чувствовала с ней некую солидарность: видимо, из-за того, что Сычев ее отшивал так же, как она сейчас – юную журналистку. С другой стороны, не сообщить Илье – тоже неправильно. Только вот под раздачу зачастую попадает ни в чем не повинный гонец. – Давай звони своему родителю. Прямо сейчас, в моем присутствии.

– А если не буду?

– Заявлю в полицию, что ты проникла на частную территорию. – Вика едва не засмеялась, представив лицо Сычева, однако угроза неожиданно подействовала.

Кристина помрачнела, но послушно набрала номер, сказала пару фраз и передала смартфон Вике.

– Можешь сама ее придушить? – простонал Илья совершенно измученным голосом.

– Да я бы с радостью, но ты же знаешь: мою семью из-за такого недолюбливают.

Илья фыркнул, а приунывшая было Кристина оживилась.

– Это было признание?

– Это было намерение, причем не только мое.

– Мне за ней зайти? – спросил Илья, но чувствовалось, что после бессонной ночи он едва держится, и Вика в который раз порадовалась, что у нее нет детей.

– Нет, я доведу ее до дома. Но дальше уже не отвечаю.

– Идет. Вика... Спасибо.

Она улыбнулась, сбросила вызов и повернулась к Кристине.

– Ну что, жертва блогерских амбиций? Топай за мной.

Девчонка неприязненно скривилась, но, видимо, даже радовалась, что разговор с отцом уже состоялся, и почти без ее участия. Интересно, ему трудно справляться с этой заразой потому, что возраст такой, или потому, что воспитывает ее в одиночку? Во время их встречи на кладбище Кристина вроде бы нормально с ним общалась, а тут внезапный ночной загул неизвестно где.

– Ты же не сидела всю ночь у меня на участке?

– Твой мужик меня спровадил, – нехотя буркнула Кристина. – По ходу, он тебя ждал.

– И куда ты после этого пошла?

– Да просто шаталась... – Она явно уклонялась от прямого ответа, и было неясно, как ее разговорить.

– А мы с Ильей всю ночь тебя искали.

– Че, прям вдвоем?

Вика тяжело вздохнула и предпочла прекратить бесполезный диалог. Вскоре они вышли к полю, за которым виднелся знакомый лесок, и стало ясно, что Кристина вот-вот увидит

свое красное платье на каком-то кусте. Открытие было настолько шокирующим, что Вика едва не повернула обратно, но вовремя сдержалась. Бояться реакции мелкой девчонки – это совсем уж за гранью разумного, а наряд ей можно и новый купить, если будет сильно орать. Интересно, где тут теперь магазин одежды...

– Возле почты, за пивной, – ответила Кристина, и Вика только тогда сообразила, что произнесла вопрос вслух. Может, Лев не так уж не прав, считая, что она слетает с катушек?

– Пивная сохранилась? – восхитилась Вика. – Дед говорил, что она еще в его детстве была.

– Так он с малолетства прикладывался? – безразлично уточнила Кристина.

– Нет. И это мое последнее слово. Что ты так к нему прицепилась?

– Может, ты не в курсе, но здесь иногда происходит что-то криповое¹. А про Васю пока нельзя говорить, об этом меня еще участковый предупредил... Ну и про что мне делать подкаст?

– А может, не делать?

– Ага, щаз. Мне надо отсюда вырваться любой ценой, значит, донаты нужны. Папа не даст, на почте столько не заработаешь...

– А чем тебе тут не нравится? – Вика вдруг ощутила болезненный укол где-то в груди.

– А тебе чем? Сама же свалила.

– Думаешь, у меня был выбор? Нас все соседи ненавидели, дед за мою жизнь боялся!

– Ну, теперь-то не боится.

Вика чуть не отвесила наглой девчонке подзатыльник.

– Это не значит, что тебе можно лезть в мою жизнь.

– Так тебе же нравится.

– Чего?!

– А иначе зачем тебе тут чилить?

– Я не...

– Ну задерживаться, если тебе так более понятно. Это же не ради моего папы. Он хоть и ничего, но твой жених явно круче, а жизнь в дыре – не для такого мужика. Я еще сомневалась, пока его не увидела...

– Слушай, ты... Что за хрень?! – Вика резко остановилась, и шедшая чуть позади Кристина в нее врзалась. Девочка угрюмо потерла ушибленный нос, нахмурилась и проследила за ее взглядом.

– Нашли! – воскликнула Кристина. – Точняк! Нашли!

Вика потеряла сознание.

* * *

– Нашли, нашли! – лопухий мальчишка радостно прыгал вокруг нее, доводя маленькую Вику до белого каления.

– Ты считал слишком быстро, Макс, – буркнула она, выбираясь из дощатой пристройки к их дому. – Кто так считает?

– Нормально я считал! Это ты прятаться не умеешь!

– То-то я тут уже полчаса сижу, – насупилась Вика, прекрасно понимая, что всех остальных он уже нашел, а ее искал с их непосредственной помощью. – Ладно, теперь я вожу.

– Подожди, еще не все собрались. Там кто-то в старом сарае застрял.

– Так пусть через окно лезет!

Мальчишка широко улыбнулся, демонстрируя заметную щель между передними зубами.

¹ Криповый – пугающий, ужасный (молодежный сленг).

– Ржака будет!
– Ой, да ладно. Окно открой! Помоги ему! – Вика вдруг нахмурилась и сдавила руками виски.

* * *

Когда она очнулась, над ней склонялся Сычев, неподалеку стояла Кристина, а рядом с девочкой еще какие-то граждане. Голова гудела, невыносимо хотелось спать, в глазах мелькали темные точки.

– Солнечный удар, – констатировал участковый. – Надо больше пить. Или наоборот?..
– Да какой удар, – возразил кто-то из собравшихся. – Откуда? Еще даже не печет.

Вика села, опираясь руками на землю, обвела окружающую действительность мутным взглядом и с недовольством констатировала, что Кристина снова втихаря что-то снимает.

– Через окно, – тихо пробормотала она. – Они лезли из сарая через окно. Давным-давно...

– Так... – Сычев с беспокойством повернулся к Кристине. – Она что-нибудь принимала?
– Только лучшие позы для моего видео.

Вика нехотя хмыкнула и обратилась к участковому:

– Это один и тот же мальчик, я наконец по голосу узнала. Когда заговорили про окно...

– «Скорую», – коротко приказал Сычев, и одна из женщин достала телефон.

– Не надо.

– Еще как надо.

Вика поднялась, пошатнувшись, ухватила за подставленный локоть участкового, но тут же выровнялась и вспомнила, что собрались люди вовсе не из-за нее. Она посмотрела в ту сторону, где должно было болтаться на кусте платье Кристины, и снова увидела не его, а каких-то мужчин с суровыми лицами и разными приспособлениями в руках. Женщина сунула телефон обратно в карман.

– Что там такое?

– Ничего, Победа. Не думай об этом.

– Трупак нашли, – восторженно сообщила Кристина. – Прикинь, с проломленной башкой!

– Вася?.. – едва выдавила Вика, чувствуя, что сейчас опять потеряет сознание.

– Не, волонтер.

– Какой волонтер? – Предобморочное состояние у Вики чуть отступило, но грозило вернуться в любой момент.

– Ну, из тех, что Васька искали. Зашел чел в лес и не вышел уже. У нас тут маньяк, короче. – В голосе Кристины звучало столько торжества, что у маньяка были все шансы обрести поделницу.

– Ничего подобного! – резко осадил ее Сычев. – Там, может, вообще несчастный случай...

– Ага, с пробитой черепушкой и без телефона, как вы говорите.

– Что здесь делает ребенок? – с опозданием возмущился участковый. – Где родители?

– Вот. – Кристина уверенно указала на Вику. – Она собирается меня удочерить.

Сычев вытаращил глаза, но комментировать не стал, только угрюмо потребовал:

– Брысь отсюда обе. А ты – к врачу, с таким делом не шутят.

Вика вяло кивнула, махнула рукой Кристине, призывая ее отойти от толпы, и вскоре они продолжили путь к дому Ильи.

– Показать, где фельдшерский пункт? Он у нас большой, несколько медиков, даже на ночь больных в нем оставляют, если надо. Потому что один на кучу населенных пунктов, а больница...

– Нет.

– А...

– Нет.

– Не будь занудой, я просто хочу знать, вернемся ли мы к трупаку.

– Да, – неожиданно для себя сказала Вика и тут же об том пожалела. – Я вернусь. А у тебя – домашний арест.

– Тем более. Мне нужны новые впечатления перед долгой отсидкой.

Вика тяжело вздохнула и промолчала, но Кристина, похоже, почувствовала ее слабость.

– Ну пожа-а-а-луйста! Папа меня в черном теле держит!

– Ты не знаешь, что это такое.

– Да, не знаю, и все равно держит.

– О чем ты меня просишь? – Вика резко остановилась. – Чтобы я нарушила указание полиции и тайком провела тебя посмотреть на труп?! Разумеется, этого не будет!

– Тогда расскажу папе о твоём припадке, – насупилась Кристина.

– Мне без разницы.

– Тогда жениху твоему расскажу.

Вика, которая уже тронулась с места, снова остановилась, досадуя, что не сумела скрыть свою реакцию. Отношения со Львом и так на грани: если она очень постарается, то слухи о деде он, пожалуй, простит, но из-за отключенного телефона проблем будет куда больше, а уж регулярные потери сознания... С другой стороны, вестись на шантаж девчонки нельзя, да и Илья будет в шоке. Если узнает. А Кристина все равно туда потащится, и остановить ее будет некому.

– К самому трупу не пущу, даже не думай – категорическим тоном заявила Вика.

Кристина радостно захлопала в ладоши, будто и не слышала ее слов.

* * *

Подобраться к месту трагедии было непросто. Большинство специалистов уже уехали, но Сычев и пара его коллег все еще оставались рядом с телом, которое пока не увезли. Нормально разглядеть труп Вике никак не удавалось: мешали то заросли, то люди, то пытящая над ухом Кристина со своим смартфоном – ее периодически приходилось отодвигать, чтобы меньше пакостила. Одно было ясно совершенно точно: жертвой убийцы стал мужчина средних лет, одетый для похода в лес и пытавшийся оказать сопротивление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.